

Сергей Вербицкий по
мотивам одноименного романа
Ф.М. Достоевского

К 200-летию со дня рождения
Ф.М. Достоевского

посвящается
Ф.М. Достоевскому

Отче прости им, ибо
они не ведают, что творят.
Евангелие от Луки (Гл24,34)

БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ

II том

От автора.

Книгу, которую Вы держите в руках это второй том «Братьев Карамазовых» созданного по несколько измененной идее Ф.М. Достоевского.

Действие романа продолжается, но уже в Петербурге спустя тринадцать лет после окончания первого тома, как и хотел сам Достоевский, но с той лишь разницей что Федор Михайлович интересовался только социально нравственными вопросами. Покушение же на Императора Александра II включает в себя и вопросы политические и в силу существовавшей тогда цензуры не могли бы быть им освящены. Теперь спустя почти ста сорока лет мы можем восполнить этот пробел и представить полную картину произошедшей трагедии. Сохранены все основные персонажи и по мысли Ф.М. Достоевского во втором томе хотел отобразить в Алексее Карамазове гибель идеи христианства в XIX веке; мы же пойдем немного другим путем в этом томе мы проследим на примере его брата Ивана Карамазова к чему может привести человечество полное отрицание Христа, а Алексей у нас останется нерушимой стеной веры во Спасителя и станет главным героем третьего тома, где христианская эпоха заканчивается и начнется постхристианское время.

Это не исторический роман об убийстве Императора Александра II, а роман продолжающий литературные традиции в современной обработке Ф.М. Достоевского.

ПРОЛОГ

Куранты Спасской башни кремля пробили одиннадцать часов семнадцатого апреля 1818 года рожден в Москве в Чудовом монастыре малыш отец Николай I Павлович младший брат Александра I, мать новорожденного Александра Фёдоровна урождённая принцесса Фридерика Луиза Шарлотта Вильгельмина Прусская записала в своем дневнике: «Это маленькое тельце может быть Императором, мне становится почти грустно от этой печальной мысли». А в это время на Красной площади стоял юродивый и орал что есть мочи: «А молодец-то наш в красных сапогах».

РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО

В Петербурге на Невском проспекте была тихая безветренная рождественская ночь, крупными хлопьями падал снег. Одинокая фигура спешно вылезла из повозки извозчика

на площадь величественно стоящего Собора Казанской Божьей Матери, раскинувшего в обе стороны словно крылья девяносто восемь колоннад и побежал промеж памятников М.Б. Барклаю с одной стороны и М.И. Кутузову с другой, к северным воротам отлитые из бронзы по образцу знаменитых крайских дверей XV века во флорентийской баптистерии. (До 1870 года она называлась Рождественская).

Открыв дверь, он вошел внутрь Собора это был Иван Федорович Карамазов, сильный запах горящих свечей ударил ему в нос, кругом царила полутьма, а у последней пятьдесят шестой стоял и отчаянно молился Алексей Федорович Карамазов.

- Алексей?! – спросил, восклицая Иван.

- Иван... пришел, – тихо сказал, обернувшись Алексей.

- Здравствуй Алексей, сколько же мы с тобой не виделись...лет семь, с крестин Роды.

- Здравствуй Иван, да около того, – ответил Алексей.

- А зачем позвал?

- У меня к тебе очень серьезное дело.

- А почему не в обычный день? Встретились бы в ресторане каком-нибудь, там и поговорили. У тебя дома все в порядке? Как Лисе чувствует себя?

- Здесь обстановка располагает, а дома все в порядке с женой живем хорошо.

Есть конечно, всякие неприятности, но они слава Богу решаемые.

- Ну тогда говори, чего хотел.

- Иван, ты... ты так изменился, я узнал..., узнал страшную правду, что ты стал с некоторых пор... как это правильно выразить... в общем одержим одной идеей и как всякий русский человек намерен дойти до конца ее осуществления.

- Это какой же идеей дозволю спросить?

- Ты стал революционером-террористом и хочешь убить царя, скажи я не ошибаюсь ни в чем, это действительно так? Это же преступление Иван! И не только перед русским народом, но и перед Богом. Это страшно Иван, я даже верить в это не хочу!!!

- А ты откуда знаешь, ты что третьему отделению полиции служишь?

- Нигде я не служу, мне Коля Красоткин рассказал, и ты знаешь, я, как только это услышал, я в ужас пришел! Ты что крест не носишь?

- Нет не ношу, а ты хоть представляешь куда ты влез? Ты хочешь предотвратить убийство царя? Убийство царя великая тайна. Тебя самого просто убьют.

- Ничего предотвращать я не хочу. Я просто хочу..., хочу..., хочу, тебя спасти.

Брат, – пролепетал Алексей.

- Меня?! Ха! Подумай лучше о себе ты живешь в иллюзиях не видишь, что в Петербурге творится. Я если хочешь знать не только в организации «Народная воля» состою, но я еще и в Исполнительный Комитет ее хочу войти, а знаешь почему?

- Христос с тобой, что ты такое говоришь. Отрекись пока не поздно брат, – взмолился Алексей.

- Я от Бога отрекся.

- Да ты что, как такое можешь сделать – это же жизнь вечную ты отверг. Ты в абсолютную смерть уверовал?

- Я в справедливость уверовал, я против деспотизма стал, я блага русскому народу хочу. Ты о процессе ста девяносто трех что-нибудь слышал? Они просто в народ пошли, а их на пять лет под арест, потом кого куда. Кого в вечную ссылку, кого повесели, восемь человек с ума сошли. А потом еще восьмерых повесели за хранение запрещенной литературы. Это царь-вешатель чего же его не убить брат скажи. Нет никакой свободы печати, свободы собрания, открытого слова... и прочее.

- Александр волен в своих решениях, ибо ответ он будет держать только перед Богом. Не суди брат, не судим будешь. Какой мерой меришь такой и тебе отмерится, – чуть ли не со слезами пролепетал словно маленький ребенок Алексей Фёдорович.

- Какой мерой ты что? Когда отмерится? Наши военные суды что ли? Так они известно одному человеку служат и меряют все по высшему принципу. Александр II устроил террор по закону, а мы ответим террором против его закона! Ты мне одно ответь: перед народом значит он не ответственен? Ну?! – и Иван Фёдорович зло посмотрел на своего брата. Тот молчал и умоляюще глядел на него широко раскрыв глаза. – Молчишь?! Это тоже ответ! А мы если хочешь знать, хотим учредительное собрание создать..., конституцию принять, а он ничего не даст принять, а потому он достоин смерти.

- Он же отменил крепостное право и еще может чего сделает, - снова обрел дар речи Алексей Фёдорович. – Нужно только время. Пожалуйста, Иван, пойми же наконец подлинная свобода народа не возможна без Христа, получится только анархия и тогда сам народ попросит палку и кнут. Без царя никак нельзя народу нужно живое воплощение Христа на земле.

- Ничего подобного, просто народу нужна другая идея и мы ее дадим. Царствие Небесное заменим коммунизмом – идея всеобщего братства, все во имя большинства. Мы, законы примем и все на основании собственной ответственности перед каждым и невозможность уйти от закона нашего...

- Божьего закона, Иван!!! – прервал Алексей Фёдорович.

- Будут соблюдать порядок, – закончил Иван Фёдорович.

- Еще раз прошу тебя Иван отрекись от них, пусть они это делают, а не ты тем душу свою сбережешь для вечной жизни.

- «А я же тебе сказал: в вечную жизнь не верую и тот путь, который я избрал не оставлю и точка», – сказал Иван и достал из пальто жестяную бутылку и отхлебнул.

- Иван, вон висит чудотворная икона Казанской Божьей Матери, подойди к ней поцелуй и глубоко покайся за свои мысли, поступки, слова – она простит и все наладится, ведь то, что ты говоришь страшно!!!

- Культ вождя, страх перед государственной властью, преклонение перед земными кумирами всегда были типичными и останутся таковыми для слабого человека. Половина Петербурга во Христа не верует, а царя боятся.

- БЛОГОСЛОВИ ВЛАДЫКО – прозвучало из алтаря и началась литургия.

- Тише, тише вы... – слышались голоса.

- Ну вот и все пора прощаться, встреч со мной больше не ищи, я по-прежнему, как и тринадцать лет назад люблю тебя, помнишь наш с тобой разговор в трактире перед смертью отца?

- Помню.

- Так вот с тех пор ничего во мне не изменилось, а наоборот получило свое развитие. Не надо мне счастья построенного на слезинке замученного одного ребенка! Понимаешь!!!

- Как же так... Иван?! А на смерти Отца народа русского – помазанника Божьего надо?!

- Надо!!! Ибо приговорен этим же народом русским. А народ, Алексей не что иное – глас Божий!!! Если хочешь... Все говорить больше с тобой не могу..., прощай Алешка, – сказал Иван и крепко обнял Алексея и пошел на выход.

- Иван, я тоже люблю тебя, и не остановлюсь, – сказал Алексей, но Иван не повернулся и вышел на улицу.

А на площади перед Казанским Собором с Финского залива задул ветер и снег буквально валил с неба. Иван Фёдорович снова прошел между скульптур Барклай и

Кутузова к Невскому проспекту, залез в первую же свободную повозку и крикнул извозчику:

- На Владимирский....

НОЧЬ

Дом Ивана Федоровича был угловым и стоял он на пересечении Владимирского проспекта и Графского переулка. Путь был близкий и потому извозчик довольно быстро довез его. Он вошел в подъезд и поднялся на третий этаж. Квартира располагалась с права открыв дверь своим ключом, Иван Федорович вошел. Раздевшись в передней и пройдя в комнаты, он увидел свою жену Екатерину Ивановну в спальне. Она сидела на кровати и читала, а в ее ногах играл их семилетний сын Родя. Иван Федорович тихо встал у порога.

- Иван..., – встрепенулась Екатерина Ивановна. – А мы тебя ждем, праздновать.

- Ложитесь спать, поздно уже, – Иван поцеловал в лоб жену и наклонившись, обнял сына поцеловав его в лоб.

- Но мы тебя ждали, – расстроено сказала Екатерина Ивановна.

- Папа, папа мы тебя правда ждали, – оторвавшись от игрушек вскричал Родя.

- Нет, у меня еще срочные дела, нужно посидеть в кабинете, думаю задержусь до утра, – холодно сказал Иван Федорович и не дожидаясь ответа прошел в свой кабинет. В помещении было темно, но он сразу почему-то уловил что в помещении кто-то есть. Иван Федорович не возмущился и пройдя в середину кабинета подошел к письменному столу и зажег стоявшие на нем канделябры. Затем усевшись на кожаный диван, он увидел человека в черной тройке сидящего у плотно закрытыми гардинами окна.

- А ты кто такой? – строго спросил Иван Федорович, – впрочем можешь не отвечать. Я тебя сейчас придумал. Это все моя болезнь, так что брысь я смертельно устал и хочу отдохнуть.

- Важно не кто я такой, важно кто вы Иван Федорович. – ответил человек в черной тройке.

- Я кто такой?! Ха, это прелюбопытно, но сначала я хотел бы узнать кто вы такой. Уж сделайте одолжение иначе разговора не получится. Хотя можете не отвечать сделайте милость уйдите туда от куда пришли.

- Не прогоняйте меня уважаемый Иван Федорович мне очень надо с вами пуститься в беседу. Вот я черный ангел, если знать, а вы Иван Федорович, маленькая шестеренка, но очень необходимая шестеренка, приводящая в движение весь новый Российский исторический процесс...

- Надо же какой я оказывается важный. Это мне уже приятно, – усмехнувшись вставил Иван Федорович.

- Да, да и потому мне очень, очень важно с вами держать разговор.

- И именно в Рождественскую ночь? Да что вы здесь делаете, когда Он родился?

- А вы что веруете?

- Ничуть.

- Тогда к чему такие вопросы? Но если хотите и настаиваете...

- Просто стражду, – сказал Иван Федорович и перекинул ногу на ногу.

- Позвольте. Вы не веруете и это очень хорошо, но вместе с тем все же необходимо здесь некоторое объяснение. Видите ли, многоуважаемый Иван Федорович несмотря на ваше неверие я должен вам заметить, что мир изначально был во тьме, и пороке и вот явился Бог на землю, да, да Бог в лице Иисуса Христа – простого плотника и

мир сразу изменился. Люди, отягощённые грехом и повсеместной несправедливостью жизни, получили надежду. Ну хоть не в этом мире так в другом наступит справедливость, уйдет постоянная мучающую душу боль и наступит всеобщее благоденствие, где негодяев и обидчиков уже не будет. Тем более что Он обещал прийти, подтвердив Свое обещание воскресением победив смерть, чего так боится каждый смертный человек чувствуя по наитию величайшую тайну. И вот проходит уже почти две тысячи лет, а его все нет и человечество устало ждать тем более что добра в мире больше не стало, а люди церковные такие же грешные, как и они сами и тогда оно разуверилось почувствовало себя одинокой и замкнулось на себе излюбленными. Да тепла в этом мире не хватает. Поняло наконец, что вокруг, как и изначально тьма и больше ничего, а Христос лишь маленькая звездочка так далека и недостижима что та надежда, которую он оставил оказалась призрачной и не стоит таким людям как вы уважаемый Иван Федорович тратить душевные силы, вот потому я и дерзнул именно в эту чудесную без преувеличения ночь явиться перед вами чтобы вы увидели кто настоящий хозяин на земле в чьей власти души человеческие.

- Вот только разговоры про душу я не приемлю, потому что в нее так же не верую, есть чувства и более ничего, а так ты конечно все склад изложил, настаивая на своем взаправдашнем существовании и, если ты взаправду существуешь тогда все вопросы у меня отпадают, а если же плод моего больного ума тогда...

- Ах оставьте все этот вопрос, можно подумать, что он и взаправду ключевой. Не к чему в этом разбираться, в самомделешный я или нет. В этом мире так хрупко что порой не отличишь, где реальность, а где видение, лучше перейдем прямо к делу, почему я собственно и образовался у вас.

- Ты упрям как я посмотрю. Умеешь убеждать да так что от тебя никуда не деться. Ну если ты не черт, а ангел тогда валяй, – сказал Иван Федорович и откинувшись на спинку дивана и достав из внутреннего кармана пиджака железную флягу отхлебнул из нее и приготовился слушать.

- Извольте я начинаю и для этого я должен вернуться, о чем говорил ранее так вот. Человечество в этом веке совсем утратило веру в Бога и особенно на западе чего стоит появление труда Эрнеста Ренана, где он заметьте себе на основе документов исследует зарождение христианства и Самого Иисуса Христа и приходит к выводу что Христос обычный человек с удивительными способностями и никакого воскресения Его не было. Ему вторит написанная картина «Мертвый Христос в гробу» Ганса как его Гольбейна. Глядя на нее страх проходит по жилам, вера теряется, а Дарвин как все хорошо выстроил! Происхождение видов – Evolution, а Бога нет, Штраус же и вовсе был ярким противником христиан, когда это было, а вот нате состоялось! Россия же плетется в конце этого пути, но все же и здесь начались перемены и проявились они вначале с восстания декабристов они первые открыто бросили вызов власти. Следующие это петрашевцы и Белинский, Прудон, далее Герцен и Добролюбов, Нечаев бес, ну и наконец политическая организация «Земля и воля» во главе с Плехановым, а из нее уже народилась революционно-террористическая организация «Народная воля», которая включает себя около пятидесяти военных кружков, вовлечено более пятисот человек по всей России. Война с турками взяла много сил, освободили братьев славян, а святыню всего православия Царьград оставили не тронутой и главное у стен стояли вот возьми и все. Испугались Англии, она пригрозила свой флот вывести. Александр слишком хорошо помнил, чем закончилась Крымская война во времена его отца: крушением николаевской власти, так он стал опасаться за свой престол тем более что флота на Черном море не было. И он избрал земное и предал Небесное, и повернули русские войска хвост поджав! Все мне это кажется плачевным, жизнь в России как-то, стала после войны, беднее что ли, а прибавьте стачки рабочих и беспокойство крестьян, что землю заберут. Отсюда следует мысль собственного соображения. Дозвольте обнародую?

- Валяй.

- Всякая война вредна русскому народу, равно как и его государю. Теперь простите меня за мое отступление, я немедленно перехожу к делу.

- Да уж заждался я.

- После ареста этой осенью «Дядюшку» – Александра Дмитриевича Михайлова казначея и руководителя и стукачка третьего отделения полиции организации «Народная воля» грозила медленная смерть. Вы же, сегодня, своим капиталом буквально спасли ее подхватив революционно-террористическое знамя. Вы своими кровными наследственными средствами буквально вдохнули в нее новую жизнь и возродили надежду что похотливый разбойник будет мертв. Я очень верю, что вы доведете дело до конца, так же я верю, что за вами придут другие и не дадут моховику процесса обновления России остановиться.

- Вот мы и очистим Русь от него и построим другой мир более справедливый, где будет хорошо и старику, и ребенку брошенному.

- Да, да в нашем веке уже появились социалисты со своим учением, как обустроить государство, без Христа заметьте это себе. Вы, наверное, читали Фурье, Бакунина, того же Плеханова, Огарева, Чернышевского – горе писатели. А в Америке пошли дальше социалистов и учредили демократию и все как обустроить справедливо жизнь, вместо помазанника Божьего светский чиновник стал управлять... кхе, кхе, кхе, люди на него смотрят как на Отца народа и не хочет поверить, увидеть, что он чужой им, но подождите сильные мира с большим капиталом разочаруются в нем и начнут сами управлять, а народу оставят право выбора марионетки-чиновника. Что будет, если и у них ничего не получится ох не знаю, не знаю.

- Но это их дела, нам нужно о себе думать. Потому я не жду манны небесной, а живу именно для того чтобы очистить нашу Русь от всяких негодяев на примере Александра II. Терпение лопнуло! Время пришло!!!

- Да вы идеалист, впрочем, как и весь народ русский это правда присуще молодым людям, а вам уже тридцать шесть, но вы исключение, и вы большой молодец сохранили это в себе! Нам признаюсь такие и нужны, а то дело совсем не двигается сколько покушений и все без толку, весь Петербург уже знает, что на него объявлена охота и ждет исполнения! Так что время пришло надо действовать совершить последний прыжок!!! – вскрикнул черный ангел и в кабинете стало холодно Иван Фёдорович поежился и выпил из фляги.

- Ну и холода напустил, право, что с тобой сделалось? Да и хватит победных реляций господин ангел, я этого не люблю. Дело еще не сделано потому попридержите, я тебя попрошу, а то сглазишь. Я всего лишь просто верю в хорошее и думаю, что не зря живу, не зря пропадаю, хочу сделать что-нибудь этакое чтобы помнили меня. Вот и все, а ты идеалист, идеалист.

- Не буду больше, не буду, простите меня, а вы еще к тому же и суеверный. А я придерживаюсь другого мнения: чему быть того не миновать, главное, чтобы воля так сказать была.

- Хорошо излагаешь.

- Да я собственно о другом еще хочу у вас узнать.

- О чем?

- Кто вас рекомендовал в «Народную волю» и что вас подвигло пожертвовать своим капиталом на ее финансирование. Вы Иван Федорович, который стал не согласен с планом Божьим, говоря о всеобщем счастье отреклись от Него и готовы перейти на нелегальный образ жизни, это же от самой жизни отказаться.

- Так все по порядку придержи нетерпение свое все узнаешь.

- Да, да во всем нужен порядок.

- Вот именно. Ты очень непонятливый, я уже говорил, что хочу сделать что-нибудь этакое чтоб запомнили на все времена, я давно искал случая проявить себя и для

этого готов пожертвовать не только своим капиталом, но и жизнью своей. Теперь о том, как я вошел в «Народную волю», странно что ты об этом не знаешь ты же ангел.

- Всякое бывает вы уж поверти.

- Так вот недели полторы назад я как всегда совершал свой утренний променад и вижу стоит маленькое существо, пригляделся девица с лицом мальчишки коротко подстриженная, потом уж я узнал, что ей уже двадцать восемь, но мне так не показалась. Так вот стоит вся замерзла, а я возьми к ней и подойди и упади около нее ног будто подскользнулся. Она давай меня поднимать, а я ей спасибо и пятисот рублевую ассигнацию даю и спрашиваю, как зовут тебя детка. Она оторопела сначала, да вы что, да не стоит это того, а я настоятельно говорю: «Бери!!», тогда румянец выступил на ее щеках, и она дрожащими от холода и волнения взяла и сказала, что зовут ее Софья Перовская. Тогда я ей еще тысячу даю и приглашаю в ресторацию согреться и откусать, она как кредитку увидела такую совсем дар речи потеряла, потом прокашлявшись и говорит: «Да я таких и денег-то не стою». А я ее так грозно спрашиваю: «Так что пойдёшь?». «А куда я денусь», – отвечает мне тихо. Посидели мы в ресторации она поела оттаяла собралась с мыслями и говорит мне: «Ну что господин хороший пойдём ко мне? Я благодарность помню». Собрались мы и пошли она квартировала у первой роты Измайловского полка. Пришли к ней и тут вся моя дремавшая страсть разом выплеснулась, она даже и не сопротивлялась. Надо сказать, что до этих дел она оказалась большой мастерицей откуда у нее не знаю видимо природный талант ее страсть отличается тем что она как животное, не позволяя себя брать, а берет сама мужчину, да так, что у того сил потом больше не остается, а она наоборот еще более неумной становится. Так что, я был сражён ею наповал, никогда не мог подозревать что в женщинах может быть такая неистовая силища.

Потом она мне рассказала, что на Невском сторожила проезда кареты царя, что она из «Народной воли» и готовят на него покушение. Вот тогда я и загорелся этой идеей и сказал, что я хочу примкнуть к их организации, она потребовала отречься от Бога я тут же согласился и воскликнул как безумный: «Я отрекаюсь от Бога и более в Него не верую!!!» Вот так теперь хожу к ней и вроде ничего на первый взгляд в ней нет, а разговоришься и страсть просыпается во мне и хочется немедленно ею овладеть. Да забыл сказать она тогда же и пожаловалась мне что их организация нуждается в деньгах, я и на это согласился отказаться уже у меня не было возможности. С ней у меня началась новая жизнь и я нисколько не сожалею что мне придется еще и от этого гниющего мира отказаться ничего в нем хорошего нет.

- Мир погубят похоть и деньги.

- Может быть, а пока поживем еще.

- Конечно поживем, ведь даже в аду смею вас уверить можно жить. Чем себя современный человек и тешит: сегодня-де, главное поживу как хочу, а там если и есть ад, то приму мучения, но верно жизнь то будет, а больше мне ничего и не надо. А помните ли вы много уважаемый Иван Фёдорович дело Веры Ивановны Засулич, которая пятого февраля, семьдесят восьмого года, стреляла из револьвера в петербургского градоначальника, генерала от кавалерии Федора Федоровича Трепова, тяжело ранив того в живот?

- Да я читал в газетах.

- Так суд присяжных помиловал ее. Оправдал, невиновна мол! Каково, а! Следовательно, разрешили убийство по совести! И как ликовала вся Европа, а вместе с ней и вся наша интеллигенция.

- И что? Я тоже радовался.

- А вот что Иван Федорович: если у вас есть страх, а при свершении крупного дела всегда присутствует подленькая боязнь чего-либо. Так будьте покойны, публика петербургская на вашей стороне, быть может не явно, но в тихую, секретно, так сказать. Вы понимаете меня?

- Да. Но страха никакого нет во мне. Я глубоко уверен в правоте моего поступка.
- Вот и хорошо уважаемый Иван Федорович, а я вас могу заверить, что если окончите дело положительно, то впишете себя не только в Петербургскую летопись, но и в историю Российской Империи.
- Хотелось бы верить. А знаешь почему я с тобой так откровенен?
- Нет.
- Да потому что ты моя фантазия, а мне об этом просто не с кем поговорить, а у меня все клокочет внутри. Смерть как хочется поделиться. Теперь же я высказался до конца и в знак моей благодарности к тебе, я позволю себе еще одно маленькое откровение. Я так легко и быстро принял эту идею об убийстве царя потому что сам уже почувствовал в убийстве и остался безнаказанным, переступил черту. Психологически только намекнул лакею Смердякову, моего незаконно рожденного брата что было бы хорошо если б отца не было, если Бога нет, то все позволено, а тот неверующий, возьми и убей, а потом повесился не смог выдержать, пострадал же за все мой старший брат Дмитрий все страсть его неумная через чур эмоциональный держать нужно себя держать, но я его в беде не оставил все-таки брат. Я ему побег устроил и теперь даже не знаю жив ли он или нет. Вот так. – и тут Ивана Федоровича неведомая сила буквально повалила, и он тут же заснул.

ПОД УТРО

Смутно удрученный, с печальными мыслями, Алексей Федорович покинул собор Казанской Богоматери в четвертом часу утра. Извозчика он брать не стал, а пошел медленно по Невскому в сторону Знаменской площади. Квотировался он с Lise и Екатериной Андреевной в шести комнатах доходного дома купца Можаяева у Николаевского вокзала. Когда к Lise подошло совершеннолетие они с Алексеем Фёдоровичем решили венчаться, тогда он чуть ли не каждый день бывал у нее. Молодые с придыханием ждали этого дня. И когда время пришло они предстали перед госпожой Хохлаковой, прося у нее благословения на брак. Что тут случилось с Екатериной Осиповной это трудно передать, у нее тут же случилась истерика, она была категорически против их свадьбы, крича во весь голос: «Я лучше уйду в монастырь или в сумасшедший дом, а своего благословения не дам ни за что и делайте со мной что хотите!». И только недельное нервное состояние Lise и доводы Алексея Федоровича, о том, что они все вместе будут жить и Lise будет, как и прежде при ней спасли все дело.

У Алексея Федоровича давно была мысль о переезде. Когда на него неожиданно свалилось целое состояние после скоропостижно скончавшегося отца в шестьдесят тысяч рублей, тогда у него возникла идея о переезде из Скотопригоньевска в Москву, но потом передумал ведь столица огромной империи манила и звала. Петербург был третьим городом в мире по числу жителей, в нем проживало более миллиона человек. Здесь как нигде более в Российском государстве реализм бытия человеческого был намного шире и глубже, а палитра человеческих характеров была намного красочнее и богаче чем в провинции. Хотелось ехать и окунуться в его бурную жизнь. Lise его в этом горячо поддерживала убеждая папана согласиться на переезд. И вот продав все свои дома в российской глубинке госпожа Хохлакова, Lise и Алексей Фёдорович приехали в Петербург. Обустройство на новом месте и приготовления к свадьбе заняли полгода. Когда же все было готово молодые венчались в Троице-Измайловском соборе. О как была счастлива Lise! Алексей Федорович сам ее вез на кресле-каталке к алтарю. Она была наряжена в ослепительно белое платье с фатой, стелящейся по полу. Когда обряд венчания был закончен Lise с восторгом произнесла: «Алеша теперь я ваша жена на веки! Бойтесь меня

я нестерпимая...» – и с глубоким вздохом добавила: «Не знаю на мучения ли или на счастье вы стали моим мужем, но я верно в высшей степени удовлетворена вашим поступком!». И тогда Алексею Федоровичу казалось: то что было раньше до этого знаменательного момента, пролетело словно мираж и кануло куда-то в небытие, а теперь начинается время настоящих свершений. Не даром что правоведческая жизнь Христа началась со свершения им чуда на свадьбе, когда он превратил воду в вино.

Вера в Христа в Lise возрастала с каждым годом, из безразличного ребенка к Божьему учению она, благодаря Алексею Фёдоровичу, выросла в искушённую христианку. И все это произошло после одного случая. Когда ей было шестнадцать она впала в глубокое нервное расстройство по поводу собственного бедственного положения, все попытки избавиться от кресла-каталки заканчивались не удачно, ей удавалось лишь на несколько минут встать, а потом она снова и снова падала обратно. И вот тут она доведенная до крайности наконец поняла, что этого седалища, ей никогда не покинуть. И тут явился Алексей Фёдорович, он где-то в этот раз задержался и нашел Lise плачущую на кровати. Она долго отказывалась говорить о причине своей печали, но все же сказала и всхлипывая спросила: «Мне что всю жизнь теперь сидеть в этом кресле?». «Ты же знаешь приговор врачей дорогая Lise это твой крест, у все разное несчастье и все его смиренно несут в своем сердце, твое сидеть в этом кресле, но ты не волнуйся я тебя такую может быть еще больше люблю и уважаю». «Но я не хочу!!!», – ответила она. «Не ищи другой доли нежели уготовил тебе Господь, неси свое бремя со смирением и умилением. Унять свою гордыню и будет тебе награда в конце жизни. Не завидуй другим! Ты должна понять одну вещь Lise, все возможно Богу и Бог дает каждому крест по его силам. Бог вознаграждает страданиями людей, дабы очистить их души от греха плоти, и мы должны со смирением принимать все что он нам посылает и не ожесточаться сердцем, нужно в любом случае жить любовью к людям и благодарить Бога за ниспосланные им испытания, стать смиренным агнцем, как Он стал однажды и не изменил Богу Отцу, не сошел со своего пути, зная, что в конце его ждет жестокое убийство. Вот так и нам надо брать с Него пример иначе утратишь способность чувствовать Бога в своей душе и окажешься один, наедине со своей бедой и естественно не обретешь вечную жизнь. Просто потеряешься в жизни, а Христос твой вечный поводырь, не теряй его в своей душе и сердце. Он победитель смерти, он наша надежда, другой просто нет. Можно конечно в чем-то забыться, порой слабый человек чаще всего это и делает, обижается на весь мир, ожесточается и погружается: кто в пьянство, кто в разврат, кто в празднество, кто в суету, кто в сребролюбие. Время от время впадая в ипохондрию и скуку, на все смотрят с саркастической улыбкой. Они уже живут без какой-либо надежды, одна безысходность своего бытия и это страшно! Так становятся циниками с каменным сердцем и никакой слезой ребенка их не прошибешь, не вызовешь в них милосердия, только бесконечное самолюбование и больше ничего!

Когда общество перестает жалеть слабых и угнетенных, тогда ему самому станет плохо: оно очерствеет и засохнет, станет развратно и бесплотно, а женщины наши от этого в поисках утешения в мужчинах. Становясь пленниками своих страстей, они все делают только бы унять эту боль, но она только нарастает без веры и нет от нее спасения, а слово Христово им режет их сознание, и они сразу отворачиваются от Него, прячась в темных уголках своей души, мне жаль таких людей, они же похожи на ночных животных, которые чураются белого света, не понимая одного, что только Бог может их спасти». «Скажи Алеша, а ты всегда будешь любить меня?» – тихо спросила Lise. «Конечно», – ответил Алексей Фёдорович. «И я тебя буду любить во Христе», – все так же тихо сказала Lise. После этого признания в Lise произошли коренные изменения, она стала молиться каждодневно, в ее комнате появился образ Пресвятой Богородицы, она много читала русских старцев и стала богобоязненной особой. Весь напористый свой характер Lise направила на путь спасения своей души. Алексей Фёдорович смотрел на нее и радовался, как дают богатые всходы, брошенные им семена веры.

Алексей Фёдорович подойдя к дому, где он проживал вошел в парадную и поднялся на третий этаж и вошел в квартиру. Прямо в передней его уже ждала Екатерина Осиповна.

- А я вас Алексей Фёдорович, уже давно поджидаю. Вы как ключиков в двери зашевелили так я тотчас услышав побежала вас встречать. Lise тоже вас ждала, да вот как полчаса назад заснула. А так она все перед образом молилась как вы ушли.

- Очень хорошо, – сказал Алексей Фёдорович снимая пальто.

- Есть ли новости для нас? Я сгораю от нетерпения.

- Новости?! Новость одна Екатерина Осиповна, Христос родился и я вас от всей души поздравляю с этим знаменательным событием, – сказал Алексей Фёдорович, и они вместе прошли в гостиную, где сели за накрытый стол.

- Угощайтесь дорогой мой и рассказывайте ничего не утаив, потому что, судя по-вашему печально-удрученному виду, что-то произошло и значит вам есть что мне рассказать, – не унималась госпожа Хохлакова.

- Что тут рассказывать?! Мне тридцать два года, и я в первые в своей жизни не знаю, как поступить.

- Для этого вам и следует мне открыться, вот увидите, вам сразу станет легче и может я как-то вам подскажу что необходимо предпринять.

- Сегодня я виделся с братом, мы семь лет не встречались. Странно как-то живем в одном городе и за это время не смогли встретиться. Наверное, тут что-то неправильно и конечно я виноват в этом.

- Бросьте не корите себя Алексей Фёдорович и что тут прямо такое, вы уж больно совестливый.

- Господь таким быть велит.

- И что же с братом каким вы его нашли?

- Он..., он в страшной беде и что хуже того это тот что он этого не понимает.

В церкви Божьей отрекся от Создателя трижды, от мира нашего отрекся, хочет на крови царя построить счастливую жизнь для людей. Он как заблудший сын из притчи Христовой, вот только не знаю, как он найдет дорогу домой, его ждет бездна страданий и греха. Как он душу-то свою искупит?! Не знаю. Чем оправдается перед Господом Богом за содеянное.

- Что он Александра II задумал убить?

- Да. И для этого он вступил в революционно-террористическую организацию «Народная воля».

- Горе-то какое, а как же его жена, ребенок! Он что об них не думает?

- Похоже, что нет, он так одержим этой идеей что уже ни о чем не хочет думать. На все мои доводы и попытку разбудить в нем веру Христову он очень зло мне отвечал отказом.

- Так если все так безнадежно, может в полицию заявить по всей форме?

- Нет, он мой брат и кровных уз с ним я не разорву, к тому же я все же верю, что он только заблудшая овца, не все еще потеряно, а значит его можно спасти. Господь дает всем надежду на возвращение в лоно Христово. Нужно бороться за его душу иначе катастрофа, не только его, но и моя.

- Дай-то Бог Алексей Федорович, дай-то Бог! Вот только я не знаю какие средства употребить чтобы его спасти? – тяжело вздохнув сказала Екатерина Осиповна и тут же оживилась – хотя подождите. Поезжайте в Валаамский монастырь, возьмите двух монахов покрепче и вяжите вашего братка, а потом везите его в обитель, там в келью под замок, дать только Евангелие и посадить на хлеб и воду.

- Нет так нельзя – вера насилием не достигается, он проклянет меня еще больше ожесточится и тогда путь к Господу и спасению ему будет заказан, а средства найдутся Бог подскажет. Я верю, что он меня-то не оставит наедине с такой бедой.

Дверь в гостиную скрипнула и отворилась, на ее пороге показалась кресло-каталка в которой сидела Lise. Екатерина Осиповна и Алексей Фёдорович тут же обернулись и посмотрели растерянно на нее.

- Lise, ты же спала? – сказала удивленно госпожа Хохлакова.

- Я проснулась и все слышала. Я тебя Алеша давно поджидала, да вот сморило меня. Ну да слава Богу ангелы меня разбудили.

- Доброй ночи Lise, я рад что ты пришла, – сказал Алексей Федорович.

- Мамап, вы идите спать, а нам с Алёшей серьезно поговорить нужно. Только чур не подслушивать, я следить за вами буду, – сказала Lise подъехав к столу и взяла за руку Алексея Федоровича.

Госпожа Хохлакова не стала возражать и медленно встала со своего места и направилась в свою комнату. Только дверь за ней закрылась Lise начала свой допрос.

- Скажи Апеша, – начала в полголоса Lise, – ты сделал что я просила тебя?

- Да, я молился целый час, после литургии.

- Не просто молиться, а горячо взывать у чудотворной иконы Казанской Божьей матери.

- Я так и сделал.

- Стоп. Подожди..., – сказала Lise и направила свое кресло каталку к двери ведущей в спальню госпожи Хохлаковой. Подъехав она резко ее открыла. Екатерина Осиповна стояла на пороге. – Мамап, я же кажется просила вас не подслушивать!

- Но мне интересно Lise!

- Нет, все удите прощу вас!

- Я не уйду!

- Я все сказала! Идите спать. Спорить бесполезно, иначе мы с Алешей в ночь пойдем на улицу.

- Ты упрямая, – сказала госпожа Хохлакова и повернувшись к ней спиной пошла к себе.

- Вот так-то лучше будет, – довольная сказала Lise и заперла дверь, потом возвратилась за стол.

- Ты жестока, Lise, – сказал Алексей Фёдорович.

- Вовсе нет. Просто это наша с тобой Алеша тайна и Мамап до времени не должна знать о ней. Понимаешь?!

- Да.

- Хорошо. Итак, ты в молитве испросил дозволения у Богородицы, я тоже молилась и думаю...

- Я не только по твоей просьбе молился, я еще за брата Ивана молился.

- А что с ним? Заболел?!

- Можно сказать, и так Lise. Он впутался в страшную историю. Он задумал убить Александра II и теперь я не знаю, что и делать.

- Это все пустое, у царя охрана, у него ничего не получится. Ты зря расстраиваешься. Бог не допустит.

- Все может быть, ты бы его видела, он так и горит этой идеей.

- Ну и что пусть горит. Он уже взрослый мужчина, женатый слава Богу, он уже не маленький, хочет идти на виселицу пусть идет.

- Он мой брат что ты такое говоришь.

- А я твоя законная жена и я главней, а значит ты в первую очередь должен думать обо мне.

- Я думаю, но и о брате забывать не хочу. Я должен ему помочь иначе все рухнет.

- Что рухнет?! Ты думай, как бы у нас с тобой не рухнуло. Алексей, мне уже двадцать восемь лет, мой возраст подошел чтобы иметь ребенка.

- Но врачи же сказали, или ты сама не понимаешь..., что при твоём положении... Lise ты просто не родишь. Я не понимаю зачем ты себя тешишь не быточными надеждами.

- Что невозможно человеку, то возможно Богу. О Господи Алеша какой ты маловерный. Пойми, ребенок, это наш с тобой счастливый билет в будущее. С ребенка начинается Царство Небесное. Ты только подумай, что мы увидим его первую улыбку, а она символизирует улыбку Бога. Ребенок это наше с тобой продолжение. Он наше сокровище, о котором мы будем с тобой с благоговением заботиться.

- Lise, я верю, но всегда есть такие ограничения, за которые лучше не заходить, откуда ты знаешь что угодно Богу.

- Ребенок точно угоден Богу! Он освятит наш брак преобразив его, даст толчок в развитии наших с тобой отношений. Сегодня святая ночь, ночь, когда многие чаянья людей сбываются. И я очень надеюсь на это! В это должен поверить, и ты! И помочь мне зачать нашего первенца. Бог сотворит для нас с тобой чудо нужно только верить.

- Ты эгоистична Lise.

- Как и все женщины, не более.

- Мне нужно подумать.

- О чем?

- О брате. Он не призрачная надежда, он натурально попал в большие злоключения. Он запутался и без меня ему не найти выход из этой сложной ситуации. Я ему больше нужен чем тебе.

- Будь мужчиной Алексей. Брату уже не поможешь, у него свой царь в голове, а мне, нам ты можешь помочь. Я тебя очень прошу смилуйся передо мной и сделай то, что должен сделать. Или ты меня разлюбил?

- Не знаю, у меня от всего этого голова идет кругом. Одно могу тебе обещать, что я всегда буду любить тебя, что бы не случилось.

- Так, я все поняла, не надо больше разговоров, вот тебе моя рука, веди меня. Ты кстати поел?

- Да.

- Довольно отправляемся к нам в спальню, – и Lise протянула руку Алексею Фёдоровичу, развернув свою коляску. Ему ничего не осталось делать как подчиниться, и они вместе направилась на выход из гостиной.

ВОСХОЖДЕНИЕ К ВЛАСТИ

Николай Первый, Император и Самодержец Всероссийский, Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский, Царь Казанский, Царь Астраханский, Царь Польский, Царь Сибирский, Царь Херсониса-Таврического, Государь Псковский и Великий Князь Смоленский, Литовский, Волынский, Подольский и Финляндский, Князь Эстляндский, Лифляндский, Курляндский и Семигальский, Самогидский, Белостокский, Корельский, Тверский, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных; Государь и Великий Князь Новагорода Низовския земли, Черниговский, Рязанский, Плотский, Ростовский, Ярославский, Белозерский, Удорский, Обдорский, Кондийский, Витебский, Мстиславский и всея Северныя стороны Повелитель и Государь Иверския, Карталинския, Грузинския и Кабардинския земли, и Армянския Области; Черкасских и Горских Князей и иных

Наследный Государь и Обладатель; Наследник Норвежский, Герцог Шлезвиг-Голтинский, Стормарский, Дитмарский и Ольденбургский и прочая, и прочая, и прочая.

18 февраля, в восточном крыле Зимнего дворца, на первом этаже, в своем кабинете умирая на пятьдесят девятом году жизни, он лежал на железной походной кровати с солдатским тюфяком, укрывшись военным плащом и облаченный в парадный мундир, в окружении Августейших особ. А в Финляндском заливе стояла на рейде англо-французская союзническая эскадра, осуществляющая блокаду русского флота в Кронштадте. Во всю шла Крымская война, известия с полей сражений были не утешительные. Все русское общество ждало сдачи Севастополя.

Государь простудился, часто гуляя в одиночестве по Дворцовой набережной тяжело переживая неудачи своей армии. Болезнь началась двадцать седьмого января. Первого февраля произошло усиление гриппа, он проспал почти целый день в своем кабинете. Болезнь казалось утихла, заявляли о том, что опасности жизни нет и он распорядился чтобы «не беспокоили публики бюллетенями о его болезни». Девятого февраля несмотря на предостережения врачей, он в двадцати трёх градусный мороз без шинели поехал на развод полков. На следующий день все повторилось только при еще более усилившемся морозе. Четырнадцатого февраля прибыл курьер с известием о поражении русской армии под Евпаторией. Пятнадцатого февраля Император Николай I превозмогая слабость организма и несмотря на двадцатиградусный мороз укутавшись в легкий плащ поехал в Михайловский Манеж проститься с маршевыми гвардейскими батальонами, отбывавшими на фронт. Придворные доктора Мандат и Карель начали его уговаривать не ездить, а посвятить этот день аккуратному лечению: «Вы в смертельной опасности и поездка в манеж, хуже самоубийства!» – заявили они в один голос. На что он заявил: «Эти люди идут на смерть за меня, а я не пойду хоть увидеть их, сказать им хоть словцо одобрения! Мой долг поехать туда, и я поеду, что бы со мной ни случилось!» По возвращении Николай I почувствовал лихорадочный припадок, всю ночь он кашлял. Врачи ему объявили о скорой его смерти. Семнадцатого февраля государь был в постели борясь с недугом.

На следующий день, утром произошла мучительная агония, продолжавшаяся несколько часов, по окончании ее, Николай I исповедовался духовнику царской семьи отцу Василию Баженову и принял от него Святые Тайны, сказав: «Теперь я прошу Бога, чтобы Он принял меня с миром». После чего приказал собрать все гвардейские полки в двух залах дворца с тем чтобы по его кончине они приняли присягу перед наследником престола. Затем он обратился к собравшимся вокруг него семье: «Мне хотелось, приняв на себя все трудное, все тяжёлое, оставить тебе царство мирное, устроенное и счастливое. Привидение судило иначе. Теперь иду молиться за Россию и за вас. После России, я вас любил больше всего на свете. Служите России.» Затем подозвав цесаревича Александра II, он приподнялся с кровати, сжав в кулак ладонь он прошептал: «Держи их всех в руках!» После чего судьба его свершилась, часы показывали двадцать минут первого по полудни.

Через год после смерти императора Николай I в феврале состоялся Парижский мирный конгресс, который завершился подписанием мирного трактата, в котором говорилось что Россия лишалась права иметь на Черном море военный флот и необходимые арсеналы. После него стало ясно что Российское государство оказалось не только в военном и дипломатическом кризисе, но и в общенациональном. Сердцевина которого являлся кризис социальный, отмена крепостного права была главнейшей задачей для престолонаследника. Почти все губернии были охвачены крестьянскими волнениями, направленными против барщины и оброков помещиков.

Действия Александра II после заключения мира были направлены на разоружение. Расформированы резервные части, армия была переведена на мирный режим. Распуская ополчение, Император сказал: «Вы покинули дома и семейства свои, чтобы делить с испытаниями в боях войсками труды и лишения, являя вместе с нами пример терпения, мужества, готовности жертвовать всем за Нас, за любезную Нами вам Россию. Многие из

среды вашей запечатлели сей обед своей кровью, вкусив славную смерть в рядах защитников Севастополя. Вы показали свету, какое могущество духа живет в народе русском. Ныне положен конец войне, и Мы можем, благодаря вас, именем отечества, за вашу верную службу, сказать вам: Идите с миром, ратники земли русской, возвращайтесь к домам, к семействам вашим, к прежним занятиям и обязанностям, продолжая быть для сословий, из которых вы были призваны, примером того порядка и повиновения, которыми вы отличались постоянно в рядах государственного подвижного ополчения». В завершении этого было всем пожалован крест с надписью: «За веру, Царя и отечество».

Так же государь не забыл и про сестер милосердия, впервые совершившие свой высокий человеколюбивый подвиг на театре войны. Александр II послал свой рескрипт на имя русской Великой Княгини Елены Павловны, супруге Великого Князя Михаила Павловича, обширной благотворительнице. «По Вашей мысли учреждена моим Незабвенным Родителем Крестовоздвиженская община сестер милосердия, оказавшая, под Вашим руководством, столь редкое самоотвержение и столь много существенных заслуг к облегчению страданий больных и раненых воинов». И далее последовала личная благодарность: «Высоки и прекрасны Ваши дела: Вами не одна отерта слеза, не одна исцелена рана храброго воина, не одно утешено и успокоено осиротевшее семейство. В Вашем собственном сердце и в благословениях, которые вознесутся за Вас к престолу. Всевышнего, Вы найдете себе лучшую награду; но на Мне лежит душевный долг, который ныне исполняю, изъявляя Вам Мою искреннейшую благодарность за Ваши достохвальные и незабвенные труды. Зная Мой добрый и преданный Мне народ, Я уверен, что все и каждый разделяют со Мной Мои чувствования и повторяют в своих сердцах эти слова благодарности за дело пользы, добра и любви христианской».

Как только все милости были розданы Император посетил Финляндию и Москву для присутствия при военном торжестве: столетнем юбилее лейб-гренадерского полка даровав ему новое знамя. После этого он вернулся в Петербург, где в свой день рождения Александр II выпустил Высочайший манифест: «Вступив на прародительский всероссийский престол и нераздельные с ним престолы Царства Польского и Великого Княжества Финляндского, посреди тяжких для Нас и отечества Нашего испытаний, Мы положили в сердце своем дотоле не приступать к совершению коронования Нашего, пока не смолкнет гром брани, потрясающей пределы государства, пока не перестанет литься кровь доблестных христоролюбивых наших воинов, ознаменовавших себя подвигами необыкновенного мужества и самоотвержения. Ныне, когда благодатный мир возвращает России благодатное спокойствие, вознамерились Мы, по примеру благочестивых Государей, предков наших, возложить на Себя корону и принять установленное миропомазание, приобщив сему священному действию и любезнейшую супругу Нашу, Государыню Императрицу Марию Александровну. Возвещая о таком намерении Нашем, долженствующем, при помощи Божией, совершиться в августе месяце в первопрестольном граде Москве, призываем всех ваших верных подданных соединить усердные мольбы их с Нашими теплыми молитвами: да изливается на Нас и на царство Наше благодать Господня; да поможет Нам Всемогущий, с возложением венца царского, возложить на Себя торжественный перед целым светом обед – жить единственно для счастья подвластных Нам народов; и да направит Он к тому, наитием Всесвятого Животворящего Духа Своего, все помышления, все деяния Наши. Аминь».

Сразу же в первые дни своего царствования он подверг серьезным изменениям в составе высшего управления Российской Империи. А именно: вступили в действительное заведование своими частями Великие Князья: генерал-инспектор по инженерной части Николай Николаевич и генерал-фельдцейхмейстер Михаил Николаевич. Пост министра внутренних дел занял С.С. Ланской, а главноначальствующий путями сообщения и публичными зданиями К.В. Чевкин. Уволены по прошению: председатель Государственного Совета и Комитета Министров князь Чернышев, военный министр князь Долгоруков, глава дипломатического ведомства граф Несельроде. На освободившиеся

должности были пожалованы: военным министром стал генерал-адъютант Н.О. Сухозанет, пост министра иностранных дел занял бывший посланник при австрийском Дворе и представитель России на военных совещаниях 1855 года князь А.М. Горчаков. Первое в Российской Империи место – председателя Государственного Совета и Комитета Министров – получил, возвратившейся с конгресса, граф Орлов, а его заменил в должности шефа жандармов и главного начальника III Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии бывший военный министр князь Долгоруков. Посольский пост в Париже занял граф П.Д. Киселев, министром государственных имуществ был назначен В.А. Шереметьев, наместником Царства Польского и главнокомандующим Западной армией стал князь М.Д. Горчаков, должность наместника кавказского и командующего отдельным кавказским корпусом была пожалована генерал-лейтенанту князю А.И. Борятинскому. Еще в течении всего года обновлялось правительство в лице его членов.

14 августа вся царская семья с Николаевского вокзала выехала по железной дороге в Москву и остановилась в Петровском дворце. 17 августа состоялся торжественный въезд в первопрестольную столицу. В церемонии въезда впервые участвовали представители подвластных России народов – башкиры, черкесы, калмыки, татары, курды, и многие другие. Все были одеты в яркие национальные одежды. Сам Александр II под звон колоколов и грома орудий, ехал верхом на белом коне, окруженный всеми Великими Князьями, среди которых находились два его старших сына – Цесаревич Николай и Великий Князь Александр Александрович и иностранных принцев, десятки человек его свиты и конной охраны. У самого въезда в Москву встречал Государя Московский военный генерал-губернатор; в Земляном городе – городская дума и магистрат; в Белом городе московское дворянство с губернским представителем во главе; у Воскресенских ворот – Московский гражданский губернатор и чины присутствующих мест; у Спасских ворот – Московский комендант с его штабом; у Успенского собора – Правительствующий Сенат.

Их Величества и Их Высочества, сойдя с коней и выйдя из экипажей у часовни Иверской Божией Матери, приложились к чудотворной иконе. На паперти Успенского собора вышли к Ним на встречу Святой Синод и высшее духовенство, с крестом и святой водой. Государь и Императрицы, войдя в собор, прикладывались к мощам московских чудотворцев, а оттуда в предшестве высокопреосвященного митрополита московского Филарета, прошли в соборы Архангельский и Благовещенский и наконец через Красное Крыльцо вступили в Кремлевский дворец, на пороге которого верховный маршал князь С.М. Голицын поднес, по древнему русскому обычаю, хлеб-соль.

Разукрашенные московские улицы имели вид крайне оживленный, радостный и праздничный. В город с разных уголков России стекались представители всех сословий: дворянство, губернские и уездные головы; депутаты подвластных короне Российской Империи азиатских народов; волостные старшины государственных крестьян. Вся гвардия была из Западной армии была направлена к Москве и расположена частью в городе, частью в походном лагере в окрестности первопрестольной. Весь Двор, генералитет, высшие государственные учреждения – Сенат, Синод и Государственный Совет – в полном составе прибыл для участия в торжестве всероссийского масштаба. Родственные Дворы прислали своими представителями принцев крови: прусский – племянника короля, сына принца прусского Фридриха-Вильгельма, гессенский – принца Людвига, баденский – принца Вильгельма. Великие державы представили чрезвычайные посольства: императора Наполеона III представлял граф Морни, императора австрийского – князь Эстергази, королеву великобританскую – лорд Гренвиль.

В продолжение трех дней герольды, сопровождаемые трубачами и литаврщиками, разъезжали по улицам и проспектам Москвы, громогласно возвещая о предстоящем торжестве коронации, назначенном на двадцать шестое августа. Оно свершилось в этот

достопамятный день в Большом Успенском соборе, по чину венчания на царство русских царей, установленному со времен Ивана Грозного.

Сам Государь после своего въезда в Москву, удалился в село Останкино, в хоромы, построенные в 1797 году, графом Шереметьевым. Здесь в уединении в дали от шума первопрестольной, Александр II готовился к будущей коронации постом и молитвой.

И вот наступило 26 августа. В семь часов утра, из поставленных на Красной площади и Кремлевских стен пушек прозвучал залп из двадцати одного выстрела. С Успенского Собора и по всей Москве начался благовест. По всему следованию Высочайшего шествия в Успенский Собор, были расставлены шпалеры. Перед начатием шествия Его Императорского Величества, один из Протопресвитеров, с крестом, имея при себе двух дьяконов, несущих на золотом блюде Святую воду, окроплял ею дорогу. Священнодействовал митрополит московский Филарет, со служением митрополитов: Санкт-Петербургского – Никанора и Литовского – Иосифа, восьми архиепископов и епископов, двадцати восьми архимандритов, двух протопресвитеров и протоиереев. При входе в Собор иерарх приветствовал Императора Александра II краткой речью: «Благочестивый Великий Государь! Преимущественно велико Твое настоящее пришествие. Да будет достойно его сретение. Тебя сопровождает Россия; Тебя сретает церковь. Молитвой любви и надежды напутствуют Тебя Россия. С молитвой любви и надежды приемлет Тебя церковь. Столько молитв не проникнут ли в небо? Но кто достоин здесь благословить вход Твой? Первопрестольник сей церкви, за пять веков донныне предрекший славу Царей на месте сем, Святитель Петр, да станет пред нами и через Его небесное благословление, благословление пренебесное да снидет на Тебя и с Тобою на всю Россию».

Александр II в мантии, застегнутой на золотую булавку с двумя гранеными изумрудами и серебряным крючком, занял место на приготовленном для него посреди Собора престоле из слоновой кости великого князя Иоанна III, царствующую Императрицу урожденную принцессу Максимильяна Вильгельмина Августа София Мария Гессенская и Прирейнская, после принятия православия в 1840 году Мария Александровна посадили на золотой трон первого правителя дама Романова Михаила Федоровича. Мать Александр II, Александру Федоровну усадили на трон отца Петра I Алексея Михайловича.

Громким, хотя и дрожащим голосом Александр II прочитал исповедание православной веры. Когда митрополит Санкт-Петербургский Никанор, перед возложением порфиры и короны, читал установленные молитвы, Император низко наклонил голову, которую высокопреосвященный Филарет накрыл концом своего омофора. Возложив на себя венец царей, Александр II прикоснулся им головы коленопреклоненной супруги. Затем сам встал на колени и произнес во всеуслышание молитву, в которой испрашивал благословение Всевышнего на предстоявший ему царственный подвиг, моля о ниспослании ему «духа владычня, духа премудрости и ведения, духа совета и крепости». Крупные слезы катились по щекам до глубины душа растроганного Монарха. Император встал – и все находившиеся в храме опустили на колени, благоговейно внемля благодарственной молитве, прочитанной митрополитом Филаретом, затем все запели впервые, ранее исполняли действовавший с 1816 года гимн «Молитва русских», «Боже царя храни», по его окончанию раздались торжественное «Тебе Бога хвалим!».

И началось всеобщее шествие из Успенского собора в соборы Архангельский и Благовещенский. Государь следовал с Императрицей под балдахином, в порфире и короне, держа в одной руке скипетр, в другой державу, и прежде чем вступить в Кремлевский дворец, он с Красного Крыльца трижды поклонился народу.

Высочайший обеденный стол происходил в Грановитой Палате. Александр II восседал на троне посреди обеих Императриц. Приглашенные – высшее духовенство и особы первых двух классов – заняли места за столом, лицом к Их Величествам. Митрополит Филарет благословил трапезу. При пушечной пальбе пили за здоровье

Императора, Императриц, всего царского дома, духовных особ и всех верноподданных. Архиеереи обедали в мантиях и клобуках. Среди них выделялся архиепископ Кесарийский Василий, во время обеда не перестававший плакать, чем и обратил на себя внимание Государя, приказавшего спросить: «отчего он плачет?» «Плачу от радости, – отвечал греческий иерарх, – видя торжество русского Царя; плачу от горести, потому что мы, православные жители Малой Азии, страдаем под игом агарян».

Вечером Кремль и все Москва озарилась бесчисленным множеством огней. Иллюминация повторилась и в следующие два дня. На ярко освещенных улицах и площадях народ московский ликовал до поздней ночи. Но основное народное гуляние впервые происходило на Ходынском поле. Было установлено многочисленные столы, украшенные ветками различных деревьев на ветвях, которых были повешены бусы с пряниками и яблоками. На территории поля разместили восемь специальных фонтанчиков из которых текла не ключевая вода, а вино. Вообще угощений было приготовлено великое множество, а в частности более 10 тысяч кур, три тысячи баранов, 50 тысяч килограммов ветчины, 14 тысяч килограммов колбасы, вина запасли тысячу ведер, а число калачей, ватрушек и прочих лакомств превышало 60 тысяч.

В последний день торжества на Лефортовом поле устроили грандиозный фейерверк. Оркестр исполнил гимн Российской Империи, а в такт ему вылетали залпы праздничного салюта и так продолжалось в течении двадцати минут.

В день священного коронования Император Александр II подписал манифест, начинавшийся такими словами: «В сей торжественный день, когда, испросив благословение Всевышнего, мы возложили на себя венец наших предков, первой нашей мыслью было, как всегда, благоденствие любезной Нам России. Повторяя при священном обряде коронования обет, произнесенный Нами в самый час вступления Нашего на прародительский престол: иметь постоянной, единой целью трудов и попечений наших утверждение, возвышение сего благоденствия, в настоящем и будущем времени, мы не могли, с тем вместе, не обратиться к воспоминанию о событиях недавно минувших лет, ознаменованных тягостными испытаниями, но и примерами высокой доблести и новыми доказательствами беспредельной, нелицемерной преданности верных подданных наших, всех состояний, к Престолу и Отечеству – доказательствами, на кои незабвенный родитель наш взирал как на отраду, Небесным Промыслом Ему ниспосылаемую. Сие воспоминание сохранится на веки в сердце нашем и конечно перейдет к отдаленнейшему потомству. Но мы желаем возбужденные ими в нас чувства, еще раз, при нынешнем торжестве, изъяснить всенародно установлением некоторых особых знаков отличия и особо обращаемым к каждому из сословий в государстве выражением нашего благоволения и признательности».

Наподобие медали, пожалованной защитникам Севастополя, учреждалась в память минувшей войны светлая бронзовая медаль с вензелевым изображением Императоров Николая I и Александр II и надписью: «На Тя, Господи, уповахом, да не постыдимся во веки».

Щедрую рукою излил Император царские милости на ближайших к своему престолу слуг. Ветеран наполеоновских войн, бывший много лет вождем русских военных сил на Кавказе, генерал-адъютант князь М.С. Воронцов произведен в генерал-фельдмаршалы. В княжеское Российской Империи достоинство возведен председатель Государственного Совета граф А.И. Орлов, в графское – обер-камергер Рибопьер, обер-гофмейстер Олсуфьев, генерал-адъютант Сумароков, а генерал-губернатор Финляндии Берг – в графское достоинство Великого Княжества Финляндского.

Коронационный манифест так же распространял и ряд милостей, льгот и всякого рода облегчений более тридцати категорий жителей Российской Империи. Венцом царского милосердия было великодушное прощение государственных преступников, лишенных всех прав состояния и сосланных в Сибирь или сданных в солдаты по делу о тайных обществах 1825 года и по заговору Петрашевского в 1849 году. Им было дозволено

возвратится с семействами из мест ссылки и жить где пожелают в пределах Империи, за исключением Петербурга и Москвы. Осужденным и детям их возвращены титулы и потомственное дворянское достоинство.

В дни, следовавшие за коронацией, происходили непрерывные блестящие празднества: два бала и маскарад в Кремлевском дворце, парадный спектакль в Большом театре, балы у послов французского и австрийского.

Александр II и его семья оставались в Москве еще целый месяц, а девятнадцатого сентября они провели весь день в лавре св. Сергия. 23-го они выехали из первопрестольной и 24-го прибыли в Царское Село. Второго октября Их Величества торжественно вступили в Санкт-Петербург, но тотчас возвратились в Царское Село и только к именинам Наследника шестого декабря вернулись в столицу и уже основательно поселились в Зимнем Дворце и началась эпоха Великих реформ, в их числе долгожданная отмена крепостного права, реформа судебной системы и окончательная передача Аляски Соединенным Штатам Америки.

К НЕЙ

Иван Федорович проснулся на своем кожаном диване, свечи в канделябрах уже давно сгорели, а в дверь его кабинета настойчиво стучали, требовавши незамедлительно открыть. Он тяжело приподнялся, не спеша достал карманные часы открыл их и посмотрел на циферблат – время было два часа после полудни. Затем встал и повернув ключом в замочной скважине открыл дверь. На пороге стояли служанка Маша и его дражайшая жена Екатерина Ивановна с согнутой в локте руке и поднятой вверх. Между указательным пальцем и безымянным пальцем торчала белого цвета бумажка.

- Иван! Позволь себе объясниться. Что это? – строго сказала его жена.

- А ты разве не ознакомилась с его содержанием? – невозмутимо, вопросом на вопрос парировал Иван Фёдорович.

- Я в твои дела не сую свой нос..., с последних пор.

- Дорогая, а где ты это взяла?

- Его принес какой-то мальчуган лет четырнадцати, спешно вручив ее мне и бросил: «отдайте срочно Ивану Карамазову», даже на чай не взял, и убежал, – сказала растерянно Екатерина Сергеевна. – Разумеется я не стала разворачивать, а направилась сразу к твоему кабинету.

Иван Фёдорович неспешно вскрыл бумажку и прочитал: «*Приходи сегодня! Жду! С.П.*».

- А это от купца Сердоликого. Он отвечает мне..., надумал-таки.

- От кого?

- От купца Даниила Андреевича Сердоликого. Я ему третьего дня весьма заманчивое предложение о покупке одной вещицы сделал, он сейчас в трудном положении знаешь ли. Вот ответ! Ждет меня сегодня.

- Что за вещица? Дорого ли стоит?

- Для вашей Катенька красоты суцая безделица, а для него спасительная надежда от полного разорения, – ответил успокаивающе Иван Федорович.

- Обед на столе Иван.

- Правда остыл немного, – вставила Маша.

- Нет, обедайте без меня, дело срочное, а вдруг передумает. Нужно торопиться, ехать нужно. Я у него отобедаю, – сказал Иван Фёдорович и направился к шкафу переодеть рубашку.

- Снова уходишь. Я практически тебя в последнее время совсем не вижу! Я скучаю Иван... и Родя тоже. Ты так стал занят, неужели это нужно для нашего счастья?

- Для нашего благополучия Катенька. Я отец нашего семейства и должен заботиться о его денежном благосостоянии, но ты не волнуйся вечером я и тебя и Родю обрадую. Вот увидишь.

- Не ужели даже в праздники нужно куда-то уходить? – не унималась Екатерина Ивановна.

- Да, даже в праздники. Знаешь ли Катенька финансовые дела праздников и выходных не знают. Поцелуй Родю от меня и скажи, что я вечером буду с гостинцем, а тебе с подарком и все компенсирую, – сказал практически на ходу, уже переменив рубашку и проследовав в переднюю Иван Федорович. Екатерина Ивановна сопровождала его.

- Катенька, крепко обними Родю от меня и поздравь с праздником, – сказал уже одевшись Иван Федорович и поцеловав руку жены скрылся за дверью.

- Христос с тобой, – только и успела пролепетать Екатерина Ивановна.

Выйдя из парадной лучи яркого солнца больно ударило ему в глаза, от чего он прищурился и посмотрев направо и налево и не обнаружив свободного извозчика пошел по улице. Но пройдя несколько шагов как за спиной Иван Фёдорович услышал за спиной цоканье лошади.

- Барин! Подвезти куда? – крикнул довольно пожилой извозчик.

Иван Федорович удивленно обернулся и уселся в повозку скомандовав:

- На Офицерскую улицу в герберге (ресторан) «Отель дю Норд».

Извозчик натянул вожжи, – Гей! Но-о-о, пошла куца, – крикнул он и сани сдвинулись с места.

Дорогой Ивану Федоровичу пришли воспоминания о прошлой ночи. Что это была за встреча с таинственным незнакомцем? Была ли она явью или просто видение? «Нет, конечно если здраво рассуждать, то это наваждение какое-то», – подумалось Ивану Федоровичу. Но все же это видение требовало от него чтобы он уверовал в его реальность, как тот черт явившийся ему тринадцать лет тому назад в ночь смерти Смердякова. А сейчас что? Это кошмар какой-то вот и все. Хотел, чтобы я испугался и поверил ему, а через него, хоть он и темная сила уверовал в бесплотные силы, духов разных. А через них и хотел мне доказать существование Бога. Не на того напал, а я не верю во всю эту чепуху, просто болезнь какая-то во мне проснулась и все. Нужно что-то с этим делать.

Придя к такому заключению Иван Федорович усмехнулся и выпив из железной фляги, сказав себе: «Меня так просто не возьмешь, на ко выкусите! Нет, не верю и все тут!».

Сани тем временем подъехали к отелю, а на пороге его уже встречал швейцар. Он уже знал в лицо за всегдашнего посетителя их заведения и потому сняв шапку поздоровался, но Иван Фёдорович, не обращая на него никакого внимания прошел вовнутрь. В помещении было не так много народа и потому привычный столик был свободен, и он непринужденно сел за него. Официант тут же появился возле него приглатываясь записать заказ дорого клиента.

Ему на обед было подано: борщ по-киевски, зажаренная куропатка, сладкий рулет и сто грамм водки. С собой он распорядился взять балык из осетрины. С тем и покинул он известное заведение, снова поймав извозчика. Но в этот раз Иван Федорович сошел в квартале от Измайловской роты и дальше направился пешком. Дойдя до знакомого ему здания, он вошел во двор и прошел через черный ход. Дверь открыла ему она сама, глаза ее горели, а на лице из тонких губ играла улыбка удовольствия.

- Проходи скорей. Я ждала тебя, – сказала она, пропуская его в переднюю.

Но его радостным чувствам от встречи пришел скорый конец. Рядом с ней стоял мужчина, явно моложе его, с зачесанными назад волосами и бородкой. Иван Федорович тут же замер от его поразительно смотрящих его глаз прямо в упор.

- Ну что вы встали?! – вопреительно взвизгнула она.

Молодой человек уже был одет в тулуп и валенки и хотел было пройти к двери, но она его остановила жестом своей руки.

- Погоди. Знакомьтесь, это Андрей, а это-о-о: Иван Фёдорович! – протянула она.

Оба стояли как истуканы молча смотря друг на друга.

- Не знаю! Воды что ли набрались?! А ну пожмите скорей друг другу руки и будьте с этой минуты друзьями и конечно, – сказала она вся сгорая в нетерпении.

- Зачем он здесь? – спросил Андрей.

- Ох, я же тебе давеча говорила о нем. Ты забыл верно? Это деловой человек его помощь очень ценна для нас и без него нам не сделать того предприятия что мы задумали. Теперь пожмите руки. Андрей, я прошу, – настоятельно сказала она и взяла у обоих правые руки и соединила в рукопожатие. – Вот уже теплее, а то мороз прямо бр-р-р.

- Когда дело сделаем, я тебя застрелю, – твердо сказал Андрей и крепко сжал руку Ивана Федоровича.

- Попробуй, – с усмешкой ответил Карамазов и расцепил рукопожатие.

- Ой да не обращайтесь внимания, это он так делает для собственной значительности, – отмахнулась она и продолжила другим тоном – дорогие мужчины! Не ругайтесь, ссора только вредит нам всем. Успокойтесь и думайте лучше о деле, а я берусь осчастливить вас обоих и для каждого из вас я буду своя.

- Я пошел, – сказал Андрей, – идти надо, иначе без меня начнут, а мне бы не хотелось, чтобы начинали без меня, – она робко поцеловала его в щеку, а Иван Фёдорович поморщился.

- Пойдем, – сказала она ему, как только они остались одни.

- Ну что ж пошли, – ответил он и оба проследовали в одну из двух комнат, где стоял шкаф, кровать и стул.

- Софья, Софья, Софья, моя любимая девочка, – сразу накинулся на нее Карамазов.

- Стой..., подожди..., не надо..., я не хочу сейчас, – довольно энергично пыталась высвободиться из его объятий она, что ему пришлось уступить.

- Что еще? – отступив, недоуменно спросил Иван.

- Во-первых, я больше для тебя не Софья Перовская, а Мария Прохорова. Так, называй меня всегда, – сказала она как можно строже.

- И даже здесь? Когда совсем одни?

- Да и здесь. Я хочу, чтобы ты привык к моему конспиративному имени и фамилии, и чтобы нигде и никогда не помянул моего имени *de la vie passée* (из прошлой жизни).

- А для чего тогда ты мне его сказала при нашем первом знакомстве?

- Чтобы ты знал, что я не какая-нибудь там простушка, а женщина из знатного рода графа Кирилла Григорьевича Разумовского – последнего гетмана малороссийского, правнучка крымского губернатора. И если я согласилась быть твоей, то только потому, что ты заплатил за меня высокую цену.

- И что вы теперь хотите моя царице!

- Хочу?!

- Да уж из глаголь же скорей, а я полностью повинуюсь вам и клянусь, исполню, в обиде не будете, я вам обещаю, – сказал с придыханием Иван Федорович и очень близко приблизился к ней так что она почувствовала его страсть, бушующую в нем всем своим телом.

- Знаешь, – как-то оторопел начала Софья, – нам нужно три тысячи рублей на типографский станок и съемную квартиру на устройство в ней подпольной типографии и две тысячи на съем сырной лавки на Малой садовой, там будут работать наши люди под

видом крестьянской семейной пары Кобзевых, они устроят под мостовой подкоп и заложат туда машину для взрыва.

- И того пять тысяч! – заключил Иван Федорович, и немедленно вынул из внутреннего кармана пиджака портмоне, отсчитав требующую сумму, положил ее на стул. – Это все? – спросил он и с вожделием посмотрел на Софью.

- Да, это все, что я хотела!!! – увидев деньги, сказала она с улыбкой и глубоким удовлетворением. – Ты...

Она не успела дальше сказать, как Карамазов накинулся на нее покрыв ее своим телом повалив на кровать. Она больше не сопротивлялась и была теперь в полной его власти. И тут из его недр души возшла огромная сила возбуждения и наскоро сняв с себя и с нее одежду, оставив на ней только крестьянского покроя сорочку, вошел с вожделенной им женщиной в соитие.

Два часа безудержной гонки, в ходе которой, она все же по своей привычке переборола его прочно взяла инициативу в свои руки. Изливаясь и фонтанируя, горячо и часто дыша, в течении отпущенного времени, они были слиты воедино получая сладострастное удовольствие друг от друга.

Насытившись в приятном изнеможении Иван Федорович распластался на кровати, а она села, закутавшись в лежащий неподалеку плед спиной к стене. Он не сводил с нее глаз. Софья улыбнулась ему в ответ, поймав его полный любовью взгляд, показывая всем своим видом что ей было и есть приятно.

- Ты доволен мной? – спросила она.

- Более чем. *Plaisir inégalé* (непревзойденное наслаждение).

- А ты знаешь, я в семнадцать лет убежала из дома, – вдруг сказала Софья.

- Зачем?

- Да потому что мой па-па *despote* (деспот) как и Александр II. Он был похотливый самец, всю прислугу перепробовал, как только мама терпела весь этот содом. А наш царь – вот с кого он видимо пример взял, увидит в Мариинском театре, какую-нибудь невинную красотку и этим же вечером ее уже ведут в его опочивальню. Снимет первую пробу и домой с подарками отправляет, а ее папочка и жених ее, за честь это почитает. Вот только Долгорукая и умерила его пыл, так они говорят в кабинете его покойного отца свою нужду справляют. И это было еще при живой царице, которая в чахотке умирала в это время.

- А со мной тебе не противно?

- Терпимо. Я это для дела делаю, а так ни за что бы не согласилась. Мне было тогда двенадцать лет, когда на это дурацкое Высочество совершили первое покушение. Тогда моя двоюродная сестра Елена, дочка кстати бывшего декабриста, вбежала к нам, вся трясется, глаза большущие, дух еще не успела перевести, а сама только повторяет одно и то же: «Стреляли, стреляли...стреляли...», – Мы все тогда в гостиной сидели и все хором: «Да в кого стреляли?!» – «В царя, в царя, в царя...сегодня стреляли», – наконец вылупилось из нее. Отец строго: «И что жив?!» – «Жив, жив, Бог спас!», – ответила она. Я не знаю почему, но тут у меня слезы из обоих глаз потекли и стала повторять про себя, только одно слово: «Жив, жив, жив». Малая еще была, дура наивная.

- А из дому зачем убежала или Содом опостылел?

- Нет. В шестнадцать я закончила Аларчинские высшие женские курсы. Это между прочим почти мужское образование. У нас дома я после прочтения Некрасова «Русские женщины», Тургенева «Накануне» образ Елены мне запал в сердце, Гончарова – Ольга Ильинская, Чернышевский – Вера Павловна, с тремя сестрами и дочерью богатого фабриканта организовала кружок по изучению женского вопроса *Emancipation*. Па-па раз нас послушал и все, разогнал наше собрание и строго настрого запретил об этом говорить

в его доме. Тогда я в знак протеста собрала вещи и из дому вон ушла. Только маму было жалко, мы так плакали обе, но я ей тайком письма писала, а она мне деньгами помогала если чего.

- А отец как отпустил?

- Так он пил беспробудно уже давно, ему-то все одно. Его после покушения на царя со службы поперли так он и впал в пьянство, хотя и раньше стакана лишнего мимо рта не проносил, но тогда держал все же себя, должность обязывала. Но потом все же объявил меня в розыск, но я так умело скрывалась что меня не нашли.

- И куда ты пошла?

- Я ха, да у меня подруг было много – помогли, устроили. Жила в женской коммуны. Я много читала из-запрещенной литературы и наконец во всем разобралась, можно сказать: J'ai commencé à voir (прозрела) и в восемнадцать я уже стала одной из организаторов революционного просветительского кружка Николая Васильевича Чайковского. Днем я работала в бакалейной лавке, а вечером вела пропаганду среди рабочих. О как мы зачитывались Жан Жаком Руссо. Вся жизнь строится во имя большинства, вот это идея!

Я говорила людям что царская власть испокон веков строилась и строится на интересах меньшинства – приближенной знати, а русский народ находится в унижении, а церковь является неким успокоительным средством для него, чтобы низший класс не взбунтовался против несправедливости распределении общественных благ и терпел эту боль, страдая изо дня в день. Я призывала покончить с этим и что пришел день и час, когда нужно поднять восстание против правящего режима. Но все почему-то оказались глухи к моим воззваниям, хотя одобрительно кивали головами. Как я тогда еще была молода и все мне хотелось сделать быстрее, но я не разочаровалась, я продолжала упорно трудиться. В девятнадцать лет я отправилась в Самарскую губернию в Ставропольский уезд, там я научилась прививать оспу и с этим знанием пошла по деревням и селам. Только оспу прививать оказалось легче чем пропаганда к новой жизни. Я им говорила о том, что только вы можете своим гневом, смести узурпаторскую власть царизма, что пора призвать к ответу за вековечные народные нищенские мытарства. Я им преподавала естественные науки доказывая, что бога нет и никогда не было, есть только мечты о лучшей жизни свойственные человеку оказавшегося в тяжелом положении.

- И математику?

- Да.

- И Эвклидову геометрию, о том, что две параллельные прямые не пересекаются как палач и его жертва никогда не сойдутся в любовной идиллии всепрощения. Хотя мой брат давеча с жаром меня убеждал, что сегодняшняя наука доказала о неверности этого и что где-то там в межпланетном пространстве они пересекаются.

- А кто твой брат? – насторожилась по привычке Софья.

- Да так, можно сказать уездный мещанин на который стал обладателем целого капитала, плюс удачно женился, правда его жена немощная, но тоже с капиталом.

- И что же он знает о тебе?

- Ты что боишься его?

- Нет. Но нужно строго соблюдать правила конспирации.

- Да он безобиден как ребенок.

- Ну и что, что безобиден, но, если он что-то знает о тебе может это кому-нибудь рассказать. Я имею ввиду про нашу партию и ее дело.

- Успокойся, мы просто говорили о существовании Бога, это наш тринадцатилетний разговор.

- И каков итог?

- Каждый остался при своем мнении, но на прощание он обещал бороться за мою душу. Наивен до невозможности.

- Тебе необходимо наблюдать за ним. Как бы чего не вышло. Он может все провалить.

- А я наоборот, строго сказал, чтобы он больше встречи со мной не искал.

- Найди его и держи под присмотром, если что, я должна знать.

- Не беспокойся о нем прошу, он тих как ягненок и никуда не полезет, я его предупредил.

- Так он знает?

- Ну не совсем.

- Его не должно быть.

- Как?!

- Так, он угроза.

- Да я слово даю моя госпожа. Я если хочешь, ручаюсь за него. Оставь свое беспокойство, лучше рассказывай дальше.

- Я дам ему шанс, но если только...

- Никаких только – он мой брат и будет верен мне до конца жизни.

- Хорошо поверю пока тебе, но я не спокойна знай это, – она сделала паузу серьезно посмотрела на Ивана Федоровича и сказала – А потом я вернулась обратно в Ставрополь и закончила курсы народной учительница русского и литературы, но диплома у меня не было и с этим возникли трудности крестьяне относились ко мне с недоверием. На зиму я переехала в Тверскую губернию, Корчевский уезд в село Едимново к знакомой Ободивновой. Летом уже двадцать лет я сдала экзамены и получила долгожданной учительницы и с тем вернулась в Петербург. Я содержала конспиративную квартиру, хранили запрещенную литературу, я к сати одна из первых прочитала первый том «Капитала», опять пропагандировали свобода, равенство и братство. Вела переписку с провинциальными отделениями, поддерживала связи арестованными. Меньше через год, пятого января меня арестовали у Невской заставы в собрании рабочих, студент Низовкин оказывается предал. Вечная смерть ему! Со мной весь наш кружок накрыли.

Летом этого же года при хлопотах моего отца, он видимо использовал старые связи меня выпустили, и мы с братом уехали к маме в Крым в Приморское у нас там дом небольшой. Но дома я долго не усидела и уже через несколько месяцев поехала в Симферопольскую земскую больницу при ней я и поселилась, став учиться в фельдшерской школе и работать с другими курсистками ухаживая за тяжелобольными. Закончив курсы, мне даже специальную бумагу выдали что я действительный фельдшер, я была назначена заведующей двумя бараками Красного Креста куда поступали раненые с русско-турецкой войны. Боли, крови и страдания насмотрелась просто жуть. Но не успела и месяца проработать как полицейский принес бумагу, где говорилось что меня вызывают в Петербург на суд по делу о 193-х. Я даже и не знала, новостей-то не было никаких, оказалось аресты шли в тридцати шести губерниях, было привлечено более четырех тысяч человек, из них двести сорок арестованы. Почти все чайковцы оказались под судом, но суд мы не признали, тогда правительство разбила нас всех на группы по семнадцать человек. Из-за незначительных нарушений меня обязали являться на процесс, публику естественно не пускали. Ну ты, наверное, знаешь все это дело, чего дальше рассказывать.

- Нет, ты рассказывай, мне интересно. Что же ты?

- Я?! Там чтобы ходить в Дом предварительного заключения и видеть заключенных и узнавать от них хоть какую-то информацию я назвалась невестой Тихомирова. Ну мы там встретились пообщались он мне понравился, и мы решили после всего это пожениться. Я готова даже была последовать за ним в Сибирь. Потом состоялось действо в здании Петербургского окружного суда, я сидела в партере народу было много, духота, судилище это я не признала и отказалась в нем участвовать. Лев Тихомиров мне рассказывал, как оно проходило. Потом стали выпускать по несколько десятков человек. Тут же, освободившиеся из заключения и им сочувствовавшие организовали в моей квартире на Знаменской улице Всероссийский съезд революционеров. Решений принято не было, кроме одного: бороться и еще раз бороться против существующего режима.

И тут случилась беда, при свидании кто-то дал по фуражке надсмотрщику и из-за этого все посещения прекратили. Я только от своей подруги узнала о сказанной на заседании суда знаменитой речи Петра Алексеевича Мышкина. Он говорил о 17-часовом рабочем дне, о пинках, прикладах ружей, ссылках в Сибирь. Доказывал, что «19 февраля было одной только мечтой и сном», что крепостные и после этого дня остались крепостными. Отзывался о правительственной власти как о «временно захваченной силой». Заклиная рабочих не ждать помощи ни от кого, кроме интеллигентной молодежи, призывал их надеяться на самих себя, когда мне это передали, я была в полном восторге, и решила: во чтобы-то ни стало им как-то помочь. Главных обвиняемых – Мышкина, Рогачева, Войнаральского и Ковалика засудили на десять лет. Тихомирова освободили, и он пришел ко мне. Он надеялся стать моим женихом, но я уже больна была Мышкиным. Пока они сидели в крепости мы вели круглосуточное дежурство, а потом надеялись их освободить на вокзале при посадке в поезд, но их тайно переправили на товарном вагоне в Харьковскую Центральную каторжную тюрьму. Мы с товарищами поехали туда, там и при перевозке их совершили нападение на арестантскую коляску, но не получилось и мы, разделившись по двое, уехали обратно в Петербург, а мне пришлось вернуться в Крым, где была сразу по административному аресту сослана в Повенец в Олонецкой губернию, в Восточную Сибирь с двумя охранниками. Они на одной станции заснули, ну я ночью, сняв ботинки в одних чулках, под утро сбежала от них и снова вернулась в Петербург. И с этого момента перешла на нелегальное положение.

А там уже все кипело, тяжелое ранение Трепова Засулич, можно сказать всех разворошило и все ждали революции, усилились беспорядки, город перешел на жандармский режим. Я вступила в партию «Земля и воля» и конечно, сразу влилась в дело, и в целях безопасности, партия меня отсылает, снова в Харьков, там я окончила акушерские курсы, работала в больнице. Ты знаешь детишки на свет появляются такие светлые, хорошенькие и думаешь: «Вот они вступают в этот темный мир, и ты им ничем не можешь помочь». Так же я носила книги, еду для заключенных и организовала кружок интеллигентной революционно настроенной молодежи, знакомилась с рабочими. Через несколько месяцев мне пришло приглашение посетить Конгресс партии «Земли и воли» в Липецке. Там произошли два события: «Земля и воля» перестала существовать, а появилась новая организация «Народная воля» ставившая своей задачей убийство царя, там же я познакомилась с Андреем Желябовым.

- Это тот мужик, который мне при входе встретился? – спросил Иван Федорович.

- Он мой гражданский муж и самый любимый человек.

- А я?

- Ты? – с усмешкой спросила она, – *Idologique partenaire* (ты идейный партнер).

- Там я балык из осетрины принес. Поешь. Да прими от идейного партнера для себя сто рублей.

Софья встала с кровати и сняла сорочку, чтобы переодеться и тут Карамазов увидел ее голую мраморную спину. У него внутри все заклокотало.

- Да у меня для тебя есть новость. В праздновании нового года, я посоветовалась с товарищами, и они согласились со мной. Мы примем тебя в Исполнительный комитет, сделай необходимые приготовления, чтобы перейти на нелегальное положение. Ты получишь новый паспорт.

- А что нужно сделать?

- Ну, во-первых, разойдись с женой, Андрей тоже ушел от своей и ребенка оставил во-вторых сними другую квартиру на подставное лицо, все свое имущество перепиши на партию.

- А кто деньгами управляет?

- Андрей, он руководитель.

- Зачем? Деньги-то переводить, я и так тебе ни в чем не отказываю.

- Таковы правила, будешь получать по тридцать рублей, как все.

- Понятно. А ты почему не хочешь родить? По-моему, всякая женщина хочет иметь своего ребенка.

- Я другое дело, я подчинена исполнению освобождению русского народа от самовластия царского и для этого готова пожертвовать своею жизнью. И еще ребенок стал бы обузой, как и семья на пути поставленной цели. Я член распорядительной комиссии, а на типографском станке будут выпускать «Рабочую газету».

- Все понятно. Пошел я тогда, – сказал Иван Федорович и надевая штаны.

- Иди и приходи ко мне уже свободным.

Скоро одевшись он вышел из квартиры и направился в ближайший трактир. Его переполняло чувство гордости, тщеславия и удовлетворенности.

СТОЛП ВЕРЫ

Lise проснулась первая и повернувшись на бок с любовью посмотрела на Алексея Федоровича, отчего тот невольно вздрогнул и открыл глаза. Не было еще и одиннадцати, когда они встретились взглядами.

- А знаешь Алеша, – произнесла Lise, – сегодня была прекрасная ночь и еще мне кажется чудо свершилось.

- Дай бы Бог, но не это главное Lise. Важнее то что ты пребываешь в благодати Господней. А значит все хорошо.

- Конечно хорошо. Я женщина и чувствую, что во мне зародилась маленькая жизнь. С Рождеством Христовым тебя Алеша! – и она заулыбалась.

- И тебя тоже Lise.

- Я единственное хочу, чтобы у нас с тобой все было хорошо. Да?!

- Все будет просто замечательно, я в этом уверен, только...

- Что только?

- Да я так ничего, ты главное не волнуйся попусту.

- Нет ты уж рассказывай мне. Ты же знаешь какая я любопытная и потому не отстану от тебя пока все не узнаю.

- Да я просто о брате думаю.

- Ох, – тяжело вздохнула Lise, – вот еще забота. Оставь это дело еще раз говорю, думай лучше о нашей малютке.

- Ладно, давай вставать у меня дело одно есть.
- Значит ты гулять со мной не пойдешь?
- Прости, но нет, мне надо в церковь сходить.

- О, хорошая идея и помолись о нашем будущем дитяти. А я прочитаю акафист Казанской Божьей матери.

С тем они и встали с постели. Алексей Фёдорович оделся пошел в гостиную завтракать. Он сразу на выходе столкнулся с Екатериной Осиповной. Она, как и всегда стояла у двери и все подслушивала и как только появилась возможность войти в спальню Lise она тут же юркнула мимоходом, поздравив с Рождеством Алексея Федоровича вошла в помещение и стала хлопотать вокруг нее.

Аглафера уже накрыла на стол. Алексей Федорович умылся и приведя себя в порядок и одиноко сел за его. Позавтракав, он оделся и вышел из дому. Выйдя на улицу, он пошел к остановке. Наконец подъехала конка и взойдя в вагончик, поехал до самого конца Невского проспекта, где расположилась Александро-Невская лавра.

Там, после долгих поисков, хождения по разным церквям Петербурга Алексей Федорович нашел-таки себе пастыря, которого ему не хватало после смерти монаха Зосимы. Его звали старец исповедник Никодим. Высокого роста, худощавый с добродушным лицом он сразу располагал к доверительной беседе. Алексей Фёдорович впервые увидел в Александро-Невской лавре в Троицком соборе, там справа от мощей Александра Невского у амвона он сидел с крестом и Евангелием принимал людей. Он занял очередь и стал терпеливо дожидаться своего черед.

Когда подошла его очередь держать исповедь, Алексей Фёдорович как смог приободрился и взглянул на старца.

- Вот ты, вот я, а между нами Господь. Можешь смело мне поведать о своем беспокойстве. Грех он же не дает человеку спокойно жить. Вот с этим ты и пришел ко мне. Верно?

- Верно отче. Простите меня и вразумите. Я женился на девушке еще тогда, которая прикована к инвалидной коляске и в полной мере женских обязанностей исполнить не может. А меня одолевает желание обладать полноценной женщиной. Я молюсь Господу об усмирении своей плоти, но Христос, то присутствует и помогает, а иногда и нет и тогда я очень страдаю. Я держусь из последних сил чтобы не сорваться и не пойти в разгул и разврат – это у нас род такой Карамазовский весь погряз в страстях. Но я не такой и не хочу быть таким.

- Любишь ли ты ее еще?

- Да, да, очень люблю потому и борюсь, но мужское начало требует свое и как с этим бороться я даже не знаю. Помогите мне отче! Прошу! Что мне делать? Как поступать?

- Ты просто ведешь борьбу духа и брэнной плоти. Все подвержены этому противостоянию. Мой тебе совет молись чаще и помни, что Господь никогда не отступится от тебя, и всегда поможет. Просто Он время от времени оставляет наедине тебя с твоей душой, предоставляя возможность самому противостоять похотливому искушению. Он со всеми так поступает, позволяя закалиться душе, стать еще крепче в этой борьбе.

- Но я без него словно во мраке нахожусь и тогда мною овладевает пораженческая паника.

- Чаще бывай на литургии и горячее молись о воздержании и непременно исповедуй свой грех. А еще любовь к своей жене тебе должна помогать, главное не сдавайся и веруй, что Вседержитель поможет тебе.

- Отче, спасибо вам, но я хотел бы еще вас попросить стать моим духовным наставником, чтобы вы направляли и помогали вести эту непростую борьбу и направляли на путь истинной веры в Господа нашего Иисуса Христа.

- Что ж, если ты так желаешь..., а велика ли твоя воля
- Очень, очень велика.
- Тогда приходи, а я берусь тебе помочь, но помни я не всесильный у меня свои искушения, но я всегда тебя приму. Как зовут-то тебя?
- Алексей.
- На том Алексей и договорились, если что мигом ко мне приходи.

Конка выехала на площадь и остановилась на последней остановке своего маршрута. Алексей Федорович слез из вагончика и передним предстали ворота с белыми колоннадами, за ним по обе стороны два огороженных кладбища и узенькая дорожка ведущая на мост через Черную речку, а за ней расположилась буквой «П», построенной еще при Петре первым, Александро-Невская лавра.

Он вошел в нее и пройдя почти наискосок мимо Троицкого собора, направившись на юго-восток лавры. Там в уголке Божьей обители стоял двухэтажный Федоровский корпус, где жили все монахи монастыря. Войдя в него Алексей Федорович поднялся на верх. Келья старца была третьей справа. Он осторожно открыл дверь и увидел стоящего на коленях перед образом Иисуса Христа и тихо молился старец Никодим. Чтобы не мешать ему он сел на стоящий почти у самой двери стул. Но Никодим почти сразу встрепенулся и встал с колен и подошел к нему, знаком пригласив его сесть на кровать.

- С праздником Рождества Христова тебя. – и они похристосовались.
- Вас также отче и желаю вам долголетия.
- Что привело тебя ко мне Алексей?
- Я...
- Вижу, вижу что-то серьезное стряслось. Ты как вошел я сразу дальше молиться не смог.
- Случилось, случилось отче. У меня такое тяжелое положение что я просто обескуражен и в большой растерянности, – печально сказал Алексей Федорович сев на кровать.
- Что ж поведай мне об этом, а там будет видно смогу ли я тебе чем-нибудь ил нет.
- Слово, слово нужно мне от вас, его я жажду.
- На все воля Божья. Вот Христос, – и старец показал на икону, – Он свидетель и помощник во всяком благом деле и нашего разговора, так что начинай, я слушаю тебя со всем вниманием.
- Lise моя супруга, ну вы наверное помните ее?
- Помню, в коляске ты и ее мамаша привозили за благословением.
- Так вот благословение ей нужно было ваше, чтобы занять ребенка. И в эту рождественскую ночь пригласила меня для этого.
- Дело хорошее.
- Но она не может иметь детей, скольких мы врачей приглашали и все в один голос твердили что сие действо никак невозможно, но она стояла на своем.
- Верно молится об этом деле?
- Да, очень молится и верит, что возможно.
- А ты?
- Я только смотрю на нее и расстраиваюсь и думаю, что делать, когда она убедится воочию что никак невозможно исполнения ее желания.
- Получится или нет это решается не на земле, а на небесах. Плохо то что ты ее не поддерживаешь ее молитвами и не веришь в свершении чуда Господня. Это разлучает вас, по сущности ты оставил одну ее с великим женским желанием. Не любишь ты ее, а только жалеешь тем насилуешь свою душу.

- Как же не люблю, люблю всем сердцем, – возбудился Алексей Федорович и заерзал на кровати.

- А если любишь, то должен верить и молитвенно поддерживать ее в этом и быть ее союзником, а не выдерживать нейтралитет, так и вера во Христа видимо в тебе сотворятся. В сомнениях ты весь, пришла пора для тебя с Господом ты или нет.

- С Богом я и верую в него.

- Тогда что же ты отошел от нее и от Создателя?

- Просто врать и лицемерить не хочу, зная, что это невозможно.

- А непорочное зачатие, воскресение Лазаря, а воскресение Христа из мертвых тоже невозможно. Знаешь мил человек веры в тебе с мизинец. Ты все судишь по земным законам, а Божий промысел исключаешь, так ты далеко не уйдешь.

- Что же мне делать отче, наставьте меня на путь света и спасения. В смятении я нахожусь. Я этого ребеночка тоже хочу, но...

- Во «но» и мешает тебе, рационально мыслишь, а духовное отвергаешь.

- А если ничего не получится? Я боюсь у нее крушение веры во Христа произойдет. Что мне тогда делать?

- На все воля Божья, и если вера ее крепка, то она обязательно обретет успокоение. А ты на что будешь? Ты должен будешь неотлучно находиться при ней окружить заботой своей и найти такие слова чтобы горе, если не дай Господь постигнет ее она нашла в тебе помощь пережить это несчастье. Ты должен ей открыть новые горизонты для обретения ее спокойствия и всячески способствовать чтобы она не утратила веру в Спасителя. А сейчас тебе нужно сплотиться со своей супругой укрепить верой и горячо поддерживать ее в этом деле. Она должна видеть в тебе опору, соратника, помощника, а не стороннего наблюдателя. Оставь свою неуверенность иначе в испытаниях, которые готовит каждому Господь, разрушит твою семью. На первое место ставь духовное, а уж затем земное. Учись мыслить и решать по-другому, хоть материальный мир силен все же, ты должен его пересилить и тогда увидишь, что многое изменится в твоей жизни.

- Есть еще одно...

- Что?!

- Беда с моим братом Иваном, он вовлекся в скверную историю, примкнул к тем, кто не верует в Бога и хотят величайший грех совершить.

- Какой грех совершить?

- Убить Императора Александра II.

- Ты это наверно знаешь?

- Он сам мне это подтвердил. А еще трижды в церкви отрекся от Бога.

- Я думаю, что ты теперь сам в большой опасности. Этих людей ничто не остановит и если увидят в тебе угрозу исполнения своего предприятия, то устроят и глазом не моргнут, потому ты должен быть очень осторожен.

- А как же мой брат? Я не верю, что он окончательно погибший человек и хочу бороться за его душу.

- У него, что и семья есть?

- Жена и сын, который на следующий год в гимназию идет.

- Так значит он и от них отрекся. В бездну греха идет твой брат и видимо не понимает этого. Господь ослепляет таких людей и обрекает на страшные муки для того чтобы они прозрели. Гордец твой братец, наверное.

- Да это качество присутствует в нем, а еще и пьет изрядно.

- Так в вине он свою гордость и удовлетворяет.

- Как же мне спасти его, если он и от этого мира тоже отрекся. Я даже не знаю, как он с этим живет.

- Господь всем людям даровал свободу в своих поступках. Мы можем повлиять на него, сделать смиренную попытку образумить его, но решение-то все равно будет за ним. И потом, когда придет его час то отвечать будет он. Адвокатов не будет, – впервые улыбнулся монах Никодим.

- Его нужно остановить как-то, непременно остановить, – сказал Алексей Федорович и глаза его заблестели.

- Молись о его вразумлении, чаще бывай у них в гостях, будь поближе к нему. Вот такие советы могу тебе дать. Быть может это тебе поможет, иначе у твоего брата наступит – *mors spiritualis* (смерть духовная).

- А это что такое?

- Это когда человек прекращает свое существование в качестве разумного и доброго существа, обретая гибель в богооставленных пространствах кромешного мрака, страданий и плача. И тогда милость Божья уже на него не распространяется.

Напутствие тебе глаголю: смотри твое благое намерение не должно происходить в противоречие с истинным смыслом заповедей Божьих. Сокрушение о брате, и твой плачь о его душе придет к тебе благодатью, на которую есть воля Божья. Но никак не наоборот никаких чувств безысходности и тоски. Это все ведет только к разрушению твоей личности и отвращение от Бога живого. В спасении своего брата не переусердствуй. Помни все в воле Божьей, иначе надорвешь свою душу и впадешь в скорбь и уныние. Молись, терпи, плачь от сердца, проси помощи и тогда быть может откроется тебе замысел Божий о брате твоём. Твою душу сейчас раздирает на две части — это забота о жене и о спасение брата, но я вижу, что брат более всего тебя тяготит.

- Да отче, за Ивана я так переживаю, что забываю обо всем.

- Не оставляй свою жену наедине в таком хрупком состоянии иначе рискуешь ее потерять. Тебе сейчас надобно и ее опекать с любовью и брата не оставлять одного, а он, если я все правильно понял про него, то он вскорости совсем один останется. Нет не в мирской жизни я хочу сказать, а о духовной стороне этого дела. Ты же действуй в кротости и смирении. Помни Господь всегда рядом и через других людей укажет тебе пути к его спасению. Твой брат отвернулся от Бога, и он видимо поэтому будет погружаться и утонать во грехе, а душа его претерпит большие мучения. Быть может, когда начнет захлебываться, тогда у него пробудится неистовая тяга к Богу, через покаяние. Поэтому ты должен быть рядом с ним и через тебя он должен знать, что Господь милостив и всегда готов содействовать ему и помогать оставить этот смрад порочной жизни, которую он ведет. А нет, то значит пропадет и сгинет в небытие кромешное. Потому что зло, не имеет бытия как такового одна черная пустота.

- Я только милости брату своему у Христа прошу, и чтобы Он послал ему Святого Духа к прозрению его, – пролепетал Алексей Федорович.

- Гордыня его страшный враг от того и пьет и когда напьется то чувствует удовлетворение своего греха. Тяжело так жить, его душа постоянно испытывает напряженность и тяжесть в неудовольствии от себя, от нереализованности своих громадных амбиций. Он сам должен осознать, что находится в тяжком рабстве своего греха, а ты лишь можешь ему помочь выйти на спасительный путь. И еще никакое спасение невозможно без благодати Божьей, а, чтобы ее обрести тебе за него. Но лучше бы было, если бы ему самому хорошо бы нужно горячо молиться в глубоком покаянии. Но это вряд ли может случиться, ибо крепко засела и проросла в нем его гордыня. Тебе же не в тревоге и страхе за него нужно пребывать, а в добродетели.

Плохо то, что время сейчас наступило порочное, каждый в помыслах своих превозносит себя над другими, и об этом только печется. О своей греховной сущности он даже не беспокоится, а если и осознает ее, то мучается и страдает, обвиняя других людей в своих несчастьях напрочь вычеркивая Бога – как спасителя, из своей жизни. Нет Бога, нет

и греха, есть «Я» и оно должно быть вне всякого рода расстройств. Жизнь дана одна и прожить ее надо в радости и так сказать со всеми удобствами. Напрочь забывая слова Христа: «...всякий превозносящий себя унижен будет, а унижающий себя возвысится».

Вот почему твой братец решил, принять для себя идею убийства царя, это ж как он сразу в своих глазах возвысится, в какой удовлетворенности его гордыня будет. А?! Вот и скажет он себе: «Это ж на какой великий подвиг я дерзнул». Убью так сказать двух зайцев и народ русский освобожу от туганнус (тирана) и себя возвышу. Помнить будут веками, а Христос только помеха ему, потому и начал он с отрицания Бога живого.

- Вот он мне это и говорил, что народ страдает из-за Александра, – он мне так и говорил сказал Алексей Федорович.

- Через смертный грех счастья не построишь. Любое дело, совершенное через грех, только губят души людей хоть на первый взгляд они кажутся сладкими мечтами. Они только отдаляют от Бога людей, ибо им кажется, что по-другому и нельзя сделать.

- Так получается, что вся наша история творилась через грех.

- То-то и оно. Человечество слишком отдалилось от Бога, почему и ищет другие идеи своего устройства, потому что уже привыкла делать, не считаясь с Господом и Его заповедями во всем оправдывая себя. Слишком труден для них Христовый путь, когда есть более легкий хоть и греховный объясняя себе так: «А по-другому и нельзя было. Что ж покаемся Бог милостив – простит нас». И так раз за разом происходит, и самое страшное это то, что Имя Христова используют в свершениях своих деяний. А сейчас и о покаянии и смирении забыли, так стали уверены в своей правоте, что Господь и их совесть теперь помехой стали. Сначала в своей душе от Бога отреклись, а потом и в повседневной жизни. Не верят больше в жизнь вечную, в Царствие Небесное, но есть и такие, которые ходят в церковь, молятся, а наступает момент, что выбирать приходится как поступать по Христовым заповедям или по греху, то выбирают сознательно, и идут по греховной стезе, так мол им легче и удобней будет. Лицемеры!

Потому говорю тебе: сможет твой братец претерпеть постигнувшие его скорби в будущем и невзгоды. Осознает, что по природе своей он немощен и слаб и обретет смирение и только в вере во Христа, он сможет обрести силу на своем жизненном пути. Покается во грехах своих и осознает в том, что неспособен в одиночку противостоять предстоящим искушениям, то это и будет его первый шаг ко спасению своей души. Понял ли ты меня?

- Понял отче.

- Тогда иди с Богом Алеша, а мне нужно отдохнуть.

- Благословите меня отче.

Алексей встал, принял благословение, поцеловал руку старца и покинул келью старца.

УТЕШЕНИЕ

Покинув пределы Александро-Невской лавры Алексей Федорович, поймал извозчика и поехал к дому Ивана. Он был полон надежд, что на этот раз его образумить, чтобы он бросил идею цареубийства. Но застать брата дома не удалось, Екатерина Ивановна, приветливо встретившая его, сказала, что он ушел с четверть часа по каким-то важным делам.

- Как хорошо, что вы пришли драгоценный мой друг Алексей Федорович, сколько вас не было. Словно мы, не родня, а так – чужие люди, но все-таки вас-то сегодня привело к нам видимо какое-то очень важное дело, проходите в гостиную. Отказа я не потерплю Маша накрывай на стол, сейчас обедать будем.

- Я даже не знаю.

- Сколько вы у нас небыли? Дайте подумать...м, с крестин Роди, да точно с этого времени не мы к вам, ни вы к нам. Родя сыночек мой, иди в гостиную сейчас обедать будем. – сказала она.

- А может я все-таки пойду. Мне Иван очень нужен, – робко сказал Алексей Федорович, но начал медленно расстегивать пуговицы на пальто.

- Нет уж, я вас никуда не пущу. Тем более у меня к вам разговор имеется. Давно назрел. Так что проходите и говорите мне все. Я хочу знать все.

Алексей Федорович нехотя разделся, и они вместе прошли в гостиную. Родя уже сидел за столом, а они сели друг напротив друга.

- Говорите мне, какое дело? Что случилось?

- При ребенке, я говорить ничего не буду.

- Хорошо, тогда я скажу. Вы Алексей Федорович драгоценный мой дружок спасли мою душу от вечных метаний. В тогда у госпожи Хохлаковой сказали то, что я сама себе признаться не могла. Я же тогда готова была за вашим братом Дмитрием в Сибирь ехать. А вы прямо всех обличили, вывели всех на чистую воду. Простите меня за то, что я тогда неблагосклонно отнеслась. Но когда Иван лежал в горячке у меня я убедилась, что вы правду сказали. И тогда кажется и Иван понял это и, когда он выздоровел он тут же мне предложение сделал, став для меня спасителем. Я конечно приняла его предложение, и тогда он увез меня в Петербург подарив мне сказку. Он чуть ли все свое наследство истратил на взятки чтобы наше венчание прошло в Исаакиевском соборе. Купил мне лучшее свадебное платье с фатой, которая была длиной семь метров и несли ее мальчик Александр и Екатерина в честь нашего царя и его любимой Екатерине Долгорукой. Я ехала почти что в королевской карете, а за мной он на белом коне, где Иван достал ума не приложу и все это действие происходило при большом скоплении народа. Представляешь и моя тетка из Москвы приехала и увидев мою шикарную свадьбу с таким размахом, то сразу мне подарила целый миллион рублей. Праздновали три дня в «Гранд отель Европа», приглашенных было около двухсот человек, а мы с ним все это время жили в его роскошном номере люкс. Город потом говорил полмесяца о нашей свадьбе. А мы сразу поехали в свадебное путешествие за границу сначала в Дрезден. Что мне очень запомнилось в этом городе так это Брюльсая терраса – набережная реки Эльбы. Она не такая как наша Дворцовая, она гораздо массивнее, ее еще называют «Балконом Европы». Так вот, когда мы на ее вышли так Ивана будто прорвала он начал мне объясняться в любви. Мы шли, шли, а он с таким жаром мне говорит, как сильно меня любит, столько комплементов наговорил мне просто жуть. Я так была счастлива, наблюдать вечерний город и слушать его сладостные речи, а он как соловей все пел и пел, пока недошли до ее конца. Пробыли мы в Дрездене четыре дня посетили знаменитейший дворец Цвингер, там я чуть каблук туфли не сломала, дрезденскую галерею старых мастеров оттуда я вышла под большим впечатлением, а фонтаны? Роскошно! Музей Зеленые своды – там главная сокровищница самое богатое в Европе между прочим, а оперный театр у них шикарный мы сидели обездвиженные и восхищались, ну и Кафедральный собор чудо архитектурской мысли. Да чуть не забыла главное это то что у нас в номере всегда находились цветы.

А потом мы поехали в Берлин, там мы задержались на целую неделю, он даже экипаж снял для прогулок. И первое куда мы поехали был бульвар Унтер-ден-Линден, там столько лип растет и столько воздуха что голова кружилась. Мы шли и мечтали о нашем будущем. Какое счастье что мы в месте и теперь будем наслаждаться друг другом до конца жизни, а заканчивается она чудесной Парижской площадью и упирается в Бранденбургские ворота. Так же мы были в Берлинском Кафедральном соборе величественная Божья обитель, внутри тишина. Мы, наверное, провели там около часу, а потом пошли в парк около него. Там у фонтана сели и долго молчали, не хотелось говорить ничего, а только смотреть и смотреть на него.

Неделя пролетела очень быстро: мы посетили Дворец Шарлоттенбург, Дворец Кёпеник и дворцовый парк, музейный остров там на нем расположились пять разных музеев на осмотр которых ушло порядка трех дней. Я была поражена сосредоточию произведений искусства на таком маленьком клочке земли. В общем объехали почти все достопримечательности Берлина, а потом на поезде отправились в Брюссель. Родя сыночек мой, ты покушал? – вдруг спросила она. Тот мотнул головой в знак согласия. – Тогда иди поиграть или если хочешь иди с Машей погуляйте.

- Мы пойдем гулять, – ответил Родя.
- Маша!
- Да Екатерина Ивановна, – явилась по первому зову служанка.
- Одевайтесь и с Родионом идите гулять.
- Хорошо, пойдемте Родион Иванович, – сказала Маша и взяв ребенка за руку

они вышли из гостиной.

- А после Брюсселя, был Париж, где на Елисейских полях мы шли и целовались, потом дождливый Лондон, а из него мы очень долго на пароходе плыли сначала до Неаполя, а там поездом до Рима. Ватикан сердце католичества. Побывали на площади Святого Петра и зашли в собор, налюбовались Рафаэлем. Еще побывали во Флоренции, Миланскую оперу посетили, в Венеции покатались на гондоле и возвратились в Петербург. Я была на седьмом небе от такого путешествия и здесь он не остановился мы были на каждой премьере Маринки, посещали разные салоны, участвовали даже в спиритических сеансах.

Все изменилось, и сказка закончилась, когда я стала носить под сердцем Родю. Иван не хотел его появления. Из-за этого тогда он замкнулся и стал выпивать. У него снова началась «белая горячка», что я тогда пережила, как Родю выносила один Бог ведает. Он уж и в психиатрической больнице два раза лежал, все равно не помогло. А Родю Иван просто игнорирует как будто это не его ребенок, а теперь стало еще хуже, он со мной как с женщиной уже две недели не живет. Видимо что-то случилось.

- Случилось, – сказал Алексей Федорович.
- У него другая женщина появилась. Да?
- Хуже. Он в партию вступил которая хочет совершить цареубийство.
- Абсурд какой-то. Он на это не пойдет. У него другая появилась вот это

точно, я сердцем чувствую.

- Одно другому не мешает.
- Да нет же еще раз вам говорю Алексей Федорович, он на это не решится никогда. Иван же все-таки разумный человек, ну да выпивает, и что, здравый-то смысл в нем присутствует.

- Он сам мне это сказал, вчера.
- И все-таки здесь замешена женщина. Вы что хотите мне не говорите, а я в этом уверена.

- Этого я не знаю.
- А я знаю, потому и говорю, драгоценный мой друг вы должны сыскать эту женщину. Устройте за ним слежку, я денег сколько надо дам, только выясните все. Я вас очень прошу Алексей Федорович. Иначе я себе места не нахожу. Все думаю и думаю, как он с ней там развлекается, – и она вся вспыхнула.

- Вы возлагаете на меня непосильную ношу Екатерина Ивановна, – спокойно сказал Алексей Федорович.

- Как!?! Вы отказываетесь?
- Точно так.

- Но вы не можете оставить меня в одиночестве Алексей Федорович. В таком горьком положении?

- Слишком много дел мне нужно сделать. У меня жена тоже в трудном положении, она хочет иметь ребенка в ее-то положении. Спасти душу Ивана вернув его обратно к Богу, а теперь и вы хотите, чтобы я нашел его любовницу, если конечно есть это ж нужно выяснить прежде чем начинать поиски ее.

- Так найдя эту порочную женщину, тем и спасете его душу от смертного грех.

- Все дела нужно решать по очереди.

- Вы бросаете меня? – чуть ли не плача сказала Екатерина Ивановна.

- Я не знаю. Нужно навести справки, разузнать и тогда чего-то предпринимать, а так бегать по городу напрасная трата сил и времени.

- Так вы поможете мне?

- Я не знаю, я попробую что-то сделать, но не обещаю положительный исход вашего дела.

- Все получится у вас Алексей Федорович, я в вас верю, – восторженно сказала Екатерина Ивановна встала из-за стола и пошла к конторке, там она взяла лист бумаги и что-то написала. – Вот, – подала небольших размеров бумажку Алексею Федоровичу.

- Что это?

- Ее вы отдадите ей, когда сыщите эту женщину.

- Но я же ничего вам не обещаю.

- Возьмите, я уверена, что вы ее найдете. Так же я надеюсь, что вы явились к нам сегодня, как дорогой и добрый человек, который не позволит нашему браку с Иваном рухнуть. Я многое могу простить, претерпеть и вынести, потому что очень сильно его люблю. Поэтому помогите мне, вернуть наше утраченное счастье. В это я буду верить до конца своей жизни Алексей Федорович. Не убивайте эту надежду своим отказом, а будьте милосердны к моей просьбе.

- Я все сделаю что в моих силах, но на все воля Божья. А теперь мне пора, – сказал Алексей Федорович вставая из-за стола и убирая в пиджак бумажку, полученную от Екатерины Ивановны. Она проводила его до передней и стояла пока он не ушел.

ДОМА

Иван Федорович чуть шатаясь вышел из трактира, поймал извозчика и поехал в Гостиный Двор. Там он купил колье украшенное бриллиантами так же серьги и тоже с бриллиантами и кольцо с бриллиантом в два карата, сумма вышла не малая и потому он расплатился банковским чеком. Потом заехал в кондитерскую, где купил конфет, шоколадную лошадку, мармелад и поехал домой.

- Родя, сынок иди подойди к папе, посмотри, что я тебе на рождество принес, – позвал сына Иван Федорович, как только разделся.

- Папа, папа, пришел, – вбежал ребенок в комнату. Следом подошла и Екатерина Ивановна.

- Смотри какую лошадку я тебе купил, ее можно съесть. Вот еще бери тут конфеты и мармелад, – и Иван Федорович отдал кулек сладостей. – Иди к себе в комнату сынок, а тебе дорогая я принес особенный подарок, – и он достал из-за пазухи три футляра с универсальным ложементом и подал жене. – Открой.

- Зачем это Иван?

- Ну, сегодня праздник и еще одно событие.

- Какое событие?

- Мы с тобой расстаёмся навсегда.

- Как навсегда? Ты пьян Иван.

- Да, я немного выпил, но это не мешает делу, – сказал Иван Федорович и достал жестяную бутылку и отхлебнул. – Вот на возьми, рождественский подарочек тебе, – и он достал из кармана три коробочки, – здесь колье, – и он раскрыл коробочку, – здесь серьги и вот кольцо. Размер думаю подойдет. – все это он протянул купленные ювелирные изделия Екатерине Ивановне.

- Не об этом нужно сейчас говорить, – сказала она, принимая дорогие украшения – Мы же с тобой венчаны, а это навсегда Иван.

- Я в Бога больше не верую, а значит и в венчание тоже.

- У тебя появилась другая женщина и ты к ней уходишь? Признавайся!

- Нет к ней я не уйду. И вообще почему тебя интересуешься? Просто я не хочу с тобой больше жить вот все.

- А ты мне не безразличен, я люблю тебя и хочу знать, где ты и что с тобой.

- К сожалению, моя любовь к тебе иссякла, и я хочу уйти. Не к другой женщине, а просто хочу остаться один и быть свободен от твоего присутствия.

- А как же Родя? Ты о нем подумал? Как он без тебя?

- Родион подрастет и все поймет, что так было лучше для всех.

- Он любит тебя и всегда будет любить и без тебя ему никогда не будет лучше.

О, Господи не уходи пожалуйста. Слышишь, мы пропадем без тебя.

- Катя не устраивай истерики из всего этого. Я прошу тебя успокойся и возьми себя в руки, где твое самообладание наконец?

- Ты будешь навещать нас? Да?!

- Этого я не знаю, скорей всего нет.

- Иван что я тебе такого сделала, что ты так жестоко поступаешь со мной?

- Ты ничего не сделала, просто время изменилось изменились и мы. Потому я принял решение уйти от тебя.

- Неправда! Сегодня, твой брат Алексей приходил и сказал, что ты вступил в какую-то партию и вы хотите убить царя.

- Вот болтун, а еще чего он там тебе наговорил?

- Он хочет спасти твою душу от греха, вот что он сказал. Не делай этого Иван! Откажись от этой бредовой идеи. Зачем тебе это? Зачем тебе семью терять ради нее?

- Это идея дорого стоит, и она требует жертв. Александр узурпатор, простой народ из-за него бедствует, вот зачем.

- Хорошо я больше не буду тебя спрашивать ни о чем, я не буду вмешиваться в твои дела, только не покидай нас с Родей – мы же любим тебя. Что мне надо сделать, чтобы ты не бросал нас? Скажи и я сделаю.

- Ничего не надо делать, просто живи без меня и помалкивай, то что тебе Алексей наплел. Он же наивный дурачок и не понимает, что делает, куда влезает. Не хватало и тебе в это вмешиваться. Спокойно живи тем что уготовит тебе Бог. Про деньги я не забуду, продам наш доходный дом после праздников, возьму себе восемьдесят тысяч, а остальные тебе оставлю.

- Значит ты все же в Бога веруешь, раз так.

- Нет, просто говорю, чтобы тебе легче стало.

- Значит ты отрекаешься от нас?

- Нет, я просто покидаю вас, но люблю вас по-прежнему.

- Мне от этого не легче. Прошу тебя Иван, заклинаю, молю – останься, я же не понимаю, как я без тебя жить буду? – со слезами сказала Екатерина Ивановна. – Родя сынок поди сюда, от нас папа навсегда уходит.

- Папа, папа, папа не уходи! – весь в слезах, подбежал Родя и обнял отца.

- Катя забери ребенка сейчас же, – потребовал Иван Федорович и выпил из жестяной бутылки. – И что это за гномы по дому ходят?

- Родя пойдй ко мне. Иван, здесь нет никого, – сказала Екатерина Ивановна и прижала к себе сына.

- Да как же нет вон один под стол полез гад, сейчас я его достану подлеца, – и Иван Федорович полез под стол, – а ну кыш отсюда, я тебя все одно поймаю за шиворот и за дверь. Так вон там еще один, ну я и тебя достану. Держи его, иди, иди, иди же сюда. В спальню побежал. Ага, там-то я тебя и поймаю наглец какой, – сказал Иван Федорович.

- Иван, очнись, здесь никого, кроме нас нет, – сказала Екатерина Ивановна, по-прежнему обнимая Родю.

- Как это нет вот только что был здесь и убежал. Ну ничего я поймаю его сейчас и покажу тебе, – сказал Иван Федорович и направился в спальню.

Прошло с минут пять, а из спальни сначала доносилось шаги, потом шуршание и вдруг все неожиданно стихло.

- Маша, иди сюда и посмотри, что там с барином, – сказала Екатерина Ивановна, не вытерпев неизвестности.

Маша вышла из кухни и пошла в спальню и тут же буквально вылетела из нее.

- Брыня, да он весь до гола раздетый лежит на кровати, – сказала служанка

Тогда Екатерина Ивановна, оставив сына зашла в спальню. Иван абсолютно нагой лежал на их кровати в сильном ознобе.

- Не возьмешь меня! Иди вон! Я сам тебя убью, – бредил Иван Федорович.

- Маша, беги за Блюменштайном, доктор нужен очень. Вот возьми денег. Скажи, чтобы немедленно шел.

- Сам дурак, а я сейчас тебе полбу дам. Не знаю, нет у меня ничего, – продолжал бредить Иван Федорович.

Екатерина Ивановна села на край кровати и потрогала Ивана тот был весь горел, а Маша быстро одевшись, побежала за Блюменштайном. Ждать пришлось около часа прежде на пороге их квартиры появилась грузная фигура доктора Николая Карловича. Раздевшись он сразу прошел к больному и увидев Ивана Федоровича тут же определил его состояние и причину его недуга: *delirium tremens* (трясущее помутнение).

- Его в больницу надо везти вот только как, он весь в горячке и бреду.

- Нет, я его в больницу не отдам, – категорично заявила Екатерина Ивановна. – Неужели у вас нет с собой каких-то лекарств, чтобы он пришел в себя встал на ноги?

- Да нет таких лекарств нет, я могу дать только успокоительное и снотворное, и как я ему порошок-то прикажите дать, если он вон весь вне себя.

- Мы с Машей приподнимем, а вы ему прямо в рот засипите.

- Да помилуйте, Пресвятая дева Мария, а если он захлебнется? Бывали такие случаи, я рисковать не хочу.

- Я, всю ответственность беру на себя. Делайте, – сказала Екатерина Ивановна.

- Я ничего вам не отдам, кукиш получите, ха вот вам, – встрял в разговор Иван Федорович.

- Маша принеси воды, Николай Карлович готовьте порошки. Через несколько минут Маша принесла воды в стакане, а Блюменштайн разложил на столике маленькие бутылочки и начал что-то смешивать.

Когда все было готово Екатерина Ивановна залезла на постель и взялась за левое плечо Ивана Федоровича и начала его приподнимать, а Маша стала делать тоже самое только за правое. Блюменштайн подошел к кровати и попытался влить разведенные им порошки, но тут Иван Федорович дернулся доктор чуть было все не пролил.

- Вот видите, ничего не получится, – сказал доктор.

- Маша, держи его крепче, а вы вливайте сейчас все сладится, – уверенным тоном сказала Екатерина Ивановна. И действительно они с Машей взяли еще крепче и

подняли Ивана Федоровича еще выше, а Николай Карлович улучшив момент влил лекарство в рот больному, тот закашлялся, но ему тут же дали еще воды.

- Все равно вы ничего не получите, – только сказал Иван Федорович, когда проглотил снадобье.

- Ну вот все и вышло, – устало произнесла Екатерина Ивановна. – Вот возьмите Николай Карлович, – и она протянула пятнадцать рублей, – это вам за старания.

- Дорогуша, да я ничего такого особенного не сделал, я после завтра к вам загляну, но лучше бы его в больницу поместить, – сказал он.

- Нет в больницу его не надо. Пусть будет при мне. Я думаю, денек, другой и поправится, – сказала Екатерина Ивановна и укрыла одеялом Ивана Федоровича, а тот уже спал с храпом. – Маша проводи Николая Карловича.

Когда Блюменштайн ушел Екатерина Ивановна обратилась к служанке:

- Маша, ты слышала наш разговор с Иваном Фёдоровичем?

- А что? – вдруг насторожилась Маша, – я только так... я же на кухне сидела.

- Как думаешь он про расставание уже в бреду сказал или нет?

- Кто ж его разберет, надо подождать, когда придет в себя тогда и узнаем.

- Не могу я столько ждать. Я же изведу себя, – а у самой уже наворачивались слезы, она едва сдерживала себя, чтобы не разрыдаться.

- Так другого Екатерина Ивановна и выхода у вас нет. Пойди разбери что у него на уме было, может завтра проснется и скажет что-нибудь другое. Надо ждать.

- Ладно, поздно уже. Ты пригляди за ним полночи, посиди рядом, а потом меня разбудишь, я буду до утра с ним, а пока пойду к Роде спать, если что случится, то буди меня немедленно. Все поняла?

- Да вы не беспокойтесь, все сделаю как надо Екатерина Ивановна. Идите спокойно спать я присмотрю за барином.

Она, заламывая себе руки и глубоко дыша; а из головы никак не выходил разговор о расставании. Но собравшись с силами и мужеством пошла в детскую и там легла подле Роди, который еще не спал, а лежал, уткнувшись в стену.

- Мама, а что с папой случилось? Почему он хочет уйти от нас? – спросил он.

- Давай спать сыночек мой дорогой, еще никто ни от кого не уходит. Завтра встанем и все прояснится. Сейчас же усни милый мой и пусть тебе приснится чудесный сон, чтобы ты забыл, что сегодня произошло дурное событие.

ЗАКАТ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II

Счастливая рука?

Вернемся к Коронации. Генерал Михаил Горчаков, который должен был принести Александру II шарообразную державу, от духоты лишился чувств. Одна из регалий покатила по полу, в соборе наблюдающие за церемонией в страхе притихли все молча сочли это за дурной знак. А Государь, не обращая ни на кого внимания произнес: «Главное, чтобы на полях сражений спокойно стоял».

Еще одно дурное событие произошло, когда для Императрицы изготовили специальную корону, которую фрейлины должны были прикрепить бриллиантовыми заколками. Когда это сделали, государыня попыталась пройтись с короной на голове, но регалия вдруг слетела и покатила к ногам одной из приближенной. Все сразу зашептались: «Будет в царской семье посторонняя женщина». Так оно и случилось – через десять лет у Императора появилась постоянная любовница, Екатерина Долгорукая. Род Долгоруких всегда приносил несчастье дому Романовых и этот случай не был исключением. Через десять лет после коронации случилось страшное событие – первое в истории Российской Империи покушение на Помазанника Божьего.

Это произошло дня четвертого, апреля месяца, в четвертом часу после полудня. Император Александр II гулял в Летнем саду со своими племянниками: тринадцатилетним Николаем – герцогом Лейхтербергским и пятнадцатилетней Машей – принцессой Баденской. Это были дети его сестры Великой княжны Марии Николаевны – герцогини Лейхтербергская. Они были рождены ею от первого брака от герцога Максимилианом Лейхтербергским, младшим сыном Евгения Богарне и внуком императрицы Жезофины. Но ее супруг долго не прожил. У овдовевшей Марии Николаевны тут же начался бурный роман с графом Григорием Александровичем Строгановым закончившийся тайным венчанием. Если бы об этом узнал Николай I, то вероятнее всего ее бы отправили в монастырь, а его сослали бы на Кавказ, а так дотерпев до смерти отца она снискала благоволения своего брата, который признавал совершенный ею брак законным особым Актом, подписанный Александром II и императрицей Александрой Фёдоровной 12 сентября 1856 года в Москве. В нем говорилось: «Как второй брачный союз Великой Княгини МАРИИ НИКОЛАЕВНЫ, хотя получающей ныне по воле НАШЕЙ, силу законного, должна однакоже оставаться без гласности, то ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО обязывается каждый раз, в случае беременности, удаляться на время родов, от столиц и других мест пребывания ИМПЕРАТОРСКОЙ Фамилии.

Граф Григорий Строганов может иметь помещение в Санкт-Петербургском и загородных Дворцах Великой Княгини МАРИИ НИКОЛАЕВНЫ, но не иначе, как по званию причисленного ко Двору ЕЯ, ни в фамильных, ни в иных собраниях Дома или Двора НАШЕГОЮ, а равно и ни в каком публичном месте, и вообще пред свидетелями. Прогулки с Великой Княгиней запросто он может позволять себе только в собственных садах ЕЯ ВЫСОЧЕСТВА: Санкт-Петербургском и Сергиевском, но отнюдь не в Петергофском, и других ИМПЕРАТОРСКИХ, где они могли бы встречаться с гуляющими, или проезжающими и проходящими».

Но во втором браке она счастья не сыскала, а страсть прошла безвозвратно и Мария Николаевна, оставив детей своему брату поселилась во Флоренции на вилле Кватро.

Государь покинул Летний сад, оставив детей фрейлине и вышел за массивный забор на Невскую набережную, вокруг как всегда собралась толпа зевак, пришедших поглазеть на Императора. Полицейский неспешно прогуливаясь вытянулся по стойке «Смирно». Рядом с коляской ждал его жандармский унтер-офицер и вот, когда Александр II подобрал длинные полы шинели, готовившись сесть в коляску, раздался громкий хлопок и все сразу увидели убегающего молодого человека, полицейский и жандарм тут же бросились в погоню и вскоре настигли беглеца. Его подвели к Государю.

- Ты поляк? – первое что спросил Александр II
- Русский, – ответил тот.
- Почему же ты стрелял в меня?
- Ты обманул народ, обещал ему землю, да не дал.

Толпа негодовала и жаждала немедленной расправы над злоумышленником. Преступник еще продолжал кричать: «Ребята, я за вас стрелял», – когда его увозили в III отделение полиции на Фонтанке. А Александр II в связи с этим событием изменил свой привычный маршрут и отправился в честь чудесного своего спасения на благодарственный молебен в Казанский собор. Вернувшись в Зимний дворец, он начал успокаивать царственную семью, которая уже была в курсе произошедшего и немало встревожилась.

На следующий день начальник III отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии и шеф Отдельного корпуса жандармов князь Василий Долгорукий прибыл в Зимний дворец с докладом о том, что создана Особая следственная комиссия во главе с графом Михаилом Муравьевым-Виленским. Так же князь заверил Александра II что: «Все средства будут употреблены, дабы раскрыть истину». И действительно расстарались на всю силу. Вот что докладывал на Высочайшее Имя князь Долгорукий в следующие дни: «Арестованного допрашивали целый день, не давая ему отдыха

употреблены все меры, но преступник до сих пор не объявляет своего имени и просит меня дать ему отдых, чтобы на следующий день написать свои объяснения. Хотя он действительно изможден, но надобно еще его истомить, дабы посмотреть, не решится ли он еще сегодня на откровенность». Так же Муравьев писал царю в докладной записке: «Запирательство преступника вынуждает комиссию к самым деятельным и энергичным мерам для доведения преступника до сознания». После его доклада Александру II к Государю явился с поздравлениями Сенат в полном составе, с министром юстиции во главе. «Благодарю вас, господа, – сказал Император, – благодарю за верноподданнические чувства. Они радуют меня! Я всегда был в них уверен. Жалею только об одном, что нам довелось выражать их по такому грустному событию. Личность преступника еще не разъяснена, но очевидно, что он тот, за кого себя выдает. Всего прискорбнее, что он русский».

По отношению к задержанному и содержащегося в Петропавловской крепости применялись пытки бессонницей и голодом, а также жесточайшие избиения. Его держали на хлебе и воде, допрашивали по двенадцать, пятнадцать часов в день. Ночью будили по три раза в час, заговаривая с ним на польском языке. Стража у его камеры менялась каждые два часа, к нему также приходил агент III отделения полиции священник протоирей Полисадов, который беседовал с ним по полтора – два часа, а затем писал все, о чем удалось ему узнать.

Из показаний Д.В. Каракозов показал Особой следственной комиссии шестнадцатого апреля:

- Когда и при каких обстоятельствах родилась у вас мысль покушиться на жизнь Государя Императора? Кто руководил вас совершить это преступление и какое для сего принимались средства?

- Эта мысль родилась во мне в то время, когда я узнал о существовании партии, желающей произвести переворот в пользу великого князя Константина Николаевича. Обстоятельства, предшествовавшие совершению этого умысла и бывшие одною из главных побудительных причин для совершения преступления, были моя болезнь, тяжело подействовавшая на мое нравственное состояние. Она повела сначала меня к мысли о самоубийстве, а потом, когда представилась цель не умереть даром, а принести этим пользу народу, то придала мне энергии к совершению моего замысла. Что касается до личностей, руководивших мною в совершении этого преступления и употребивших для этого какие-либо средства, то объявляю, что таких личностей не было: ни Кобылин, ни другие какие-либо личности не делали мне подобных предложений. Кобылин только сообщил мне о существовании этой партии и мысль, что эта партия опирается на такой авторитет и имеет в своих рядах многих влиятельных личностей из числа придворных. Что эта партия имеет прочную организацию в составляющих ее кружках, что партия эта желает блага рабочему народу, так что в смысле может называться народною партией.

Эта мысль была главным руководителем в совершении моего преступления. С достижением политического переворота являлась возможность к улучшению материального благосостояния простого народа, его умственного развития, а через то и самой главной моей цели – экономического переворота. О Константиновской партии я узнал во время моего знакомства с Кобылиным от него лично. Об этой партии я писал в письме, которое найдено при мне, моему брату Николаю Андреевичу Ишутину в Москву. Письмо не было отправлено потому, что я боялся, чтобы каким-либо образом не помешали мне в совершении моего замысла. Оставалось же это письмо при мне потому, что я находился в беспокойном состоянии духа и письмо было писано перед совершением преступления. Буква К в письме означает именно ту партию Константиновскую, о которой я сообщил брату. По приезде в Москву я сообщил об этом словесно, но брат высказал ту мысль, что это – чистая нелепость, потому что ничего об этом нигде не слышно, и вообще высказал недоверие к существованию подобной партии.

Покушавшийся на Высочайшую жизнь Императора Александр II в момент ареста имел при себе экземпляр сочиненной им прокламации: «Друзьям-рабочим!» «Грустно, тяжело мне стало, что погибает мой любимый народ, и вот я решил уничтожить царя-злодея. Умру с мыслью, что принес пользу дорогому моему другу – русскому мужику. Верую, что найдутся люди, которые пойдут по моему пути. Верую в имущественное равенство, которое и есть рай». Так же при нем был обнаружен двуствольный револьвер, купленный за пятнадцать рублей в Москве, весом около полкилограмма и длиной ствола девятнадцать сантиметров, пузырек с сенильной кислотой, два грамма стрихнина в порошке и восемь порошков морфия, а также медицинский рецепт (преступник страдал колитом), с помощью которого и вышли на доктора и тот в свою очередь указал на то что преступник прибыл из Москвы. Имя его Каракозов Дмитрий Владимирович 1840 года рождения села Жмакино Саратовской губернии из бедной дворянской семьи. Учился в Саратовской гимназии. В 1861 году поступил в Казанском университет и учувствовал в студенческих волнениях за что был исключен, а затем вновь принят. В октябре 1864 перевелся в Московский университет, но вскоре был исключен за неуплату. Вошел в студенческий кружок под названием «Организация», ядром которой стало экспрессивное объединение «Ад», созданное его двоюродным братом Николаем Андреевичем Иштутиным 1840 года рождения в городе Сердобск, Пензенской губернии. Сын потомственного почетного гражданина. Иштутин спустя два года после своего рождения остался сиротой, воспитывался у родственников, мелкопоместных дворян Каракозовых. В 1855 году окончил Чембарское уездное училище и поступил в Пензенскую гимназию, но ушел из седьмого класса, не окончив курса. В 1863 году приехал в Москву с намерением подготовиться и поступить в университет, но усмотрев в дипломе «лазейку в мирную жизнь обывателя» и считая, что сознательный человек обязан все силы отдать революции, удовольствовался ненадолго положением вольнослушателем. Иштутин сумел объединить студенческую молодежь, которая под влиянием Н.Г. Чернышевского и Фурье надеялась перестроить общественный строй России на началах общинно-артельного социализма. Но вскоре эта идея всем наскучила и была заменена на другую – убить того, кто виноват во всех бедах России – царь. Была организованы касса взаимопомощи, переплетная и швейная мастерские, бесплатные библиотеки и школа, просуществовавшая почти год, в которой учились мальчишки из беднейших семей. Мечты Иштутина были таковыми: «Мы сделаем из этих малышей революционеров».

Самое интересное, что об организации знали в полиции, но относились к этому как к пустой болтовне молодежи. И вот жаренный петух клюнул и произошли массовые аресты, в Москве были посажены в камеру девяносто восемь человек, в Петербурге сто тридцать девять. Под следствием в Москве умерло двое, в Петербурге девять. Иштутина взяли под стражу девятого апреля. Вначале Каракозова хотели объявить сумасшедшим, ведь не может же русский человек, в здравом уме стрелять в Государя. Но царь отклонил это предложение. И тогда среди арестованных на месте покушения нашелся двадцати пяти летний подмастерье шапочных дел мастера Осип Иванович Комисаров родом из Костромской губернии села Молвитино, Буйского уезда, родины народного героя Сусанина. Который показал, что де спас Императора. Вот что он показал: «Сам не знаю, но сердце мое как-то особенно забилося, когда я увидел этого человека, который постепенно пробивался сквозь толпу; я невольно следил за ним, но потом, однако забыл его, когда подошел государь. Вдруг вижу, что он вынул и целит пистолет: мигом представилось мне, что, коли брошусь на него или толкну его руку в сторону, он убьет кого-либо другого или меня, и я невольно и с силой толкнул его руку кверху; затем ничего не помню, меня как самого отуманило, и, очнувшись, я вижу только, что меня целует какой-то генерал; повезли меня во дворец, но я был как бы в забытьи, и язык у меня вовсе отнялся; только часа через полтора я как-то опомнился и мог говорить».

Весть о спасении царя простым мужиком разлетелась по Петербургу в мгновении ока. Восторгу публики не было границ все повторяли только две фамилии Каракозов и

Комассаров. Во всех церквях города звучали торжественные молебны о здравии государя. На приеме в Зимнем дворце Александр II прикрепил ему на грудь Владимирский крест, а императрица собственноручно вдела его жене в уши золотые сережки. Так же он был возведен в потомственное дворянство и объявили ему о новой фамилии Комиссаров-Костромской, а еще было пожаловано ему пятьдесят тысяч рублей. 8 мая этого же года Московская городская дума наградила Комиссарова высшим для города званием – «Почетный гражданин Москвы». В последствии он поселился в Полтавской губернии пожалованной ему Государем, там он и умер от алкоголизма в 1892 году.

Заседание верховного суда началось десятого августа под предводительством князя Петра Гагарина в Петропавловской крепости, где судили декабристов и петрашевцев.

Каракозов, совсем надломленный следствием и судом дал все требовавшие от него показания. Сидя в Алексеевском рavelине он уже знал, что ему предстоит смерть (смертный приговор был оглашен 31 августа), и он написал прошение царю: «Прошу Вас прощения как христианин у христианина и как человек у человека». Александр II ему ответил: «Я прощаю вас как христианин христианина, но как Государь простить не могу».

По этому делу были обвинены еще тридцать пять человек.

3 сентября в семь часов светлого солнечного утра Каракозова привезли на позорной колеснице сидящего спиной к лошадям на Смоленское поле на Васильевском острове к установленному заранее эшафоту. Казалось он не умел ходить или был в столбняке. Его лицо было синее и мертвенное. Исполненное ужаса и немного отчаянья. Его медленно отковали. Он поклонился по-русски на все четыре стороны всему народу.

- И нас прости, Христа ради, – прокричал кто-то глухо, едва слышно.
- Матушка, царица небесная, – протянула нараспев какая-то дородная баба.
- Конечно, Бог будет судить, – донеслось из народа.
- О-о-х! Батюшки! – провыла снова баба.

Толпа стала глухо гудеть и послышались даже какие-то выкрики кликуш, затем палачи взяли его под руки на эшафот, к позорному столбу. Многотысячная толпа затихла ожидая казни. И вот Когда Господин секретарь Верховного суда зачитал смертный приговор, забили барабаны, гвардейцы сделала «на караул», все сняли шапки. Потом на эшафот зашел протоирей Палисадов в облачении и с крестом в руках, он приблизился к осажденному, сказал ему последнее напутственное слово, дал поцеловать крест и после чего удалился. Палачи надели на него саван, который закрыл совсем его голову. Затем его подвели к виселице, поставили на скамейку, надели веревку, и палач выбил у него из-под ног скамейку. Каракозов качаясь на веревке, его голова, перетянутая у шеи, казалась кукольной фигуркой. Скоро он начал конвульсивно сгибать ноги. Двадцать минут Каракозов висел, потом палачи спокойно положили его в гроб, стоявший подле виселицы. В пустынном и угрюмом месте – на острове Голодае – тайно похоронили его труп. Здесь же сорок лет назад предали земле тела пяти декабристов.

Ишутину вначале приговоренного так же к смерти, надели балахон, объявили о помиловании и заключили в Шлиссельбургскую тюрьму, где он умер в 1879 году в состоянии мрачного помешательства.

Князь Долгоруков подал в отставку восьмого апреля, заявив при этом «Пусть вся Россия знает, что я уволен за неумение охранять моего Государя». После его отставки высокий пост был пожалован П.А. Шувалову. Четвертого мая было принято решение о ликвидации генерал-губернатора Петербурга. Н.Л. Перова, Александра Суворова уволили из столичной полиции на его место был назначен обер-полицмейстер Санкт-Петербурга Ф.Ф. Трепов. Так же был уволен министр просвещения Александр Головин.

После этого Александр II свернул все реформы и над страной опустился призрак Николаевской России его слова, сказанные им перед смертью: «Держи их всех», за звучали у Императора в ушах.

Вот что написал сразу после покушения Александр Васильевич Никитенко – историк литературы, цензор, профессор Санкт-Петербургского университета, действительный член

Академии Наук: «Чем больше я вдумываюсь в это происшествие, тем мрачнее оно становится в моих глазах. Не есть ли оно роковое начало тех смятений, какие должна вытерпеть Россия, пока она не упрочит и не определит своего нравственного и политического существования? Неужели необходимо, чтобы двигатели ее будущности возникли из гнездилища всякого рода безобразных умствований, утопий, из воспаленных незрелых голов?».

Весной 1867 года в ограде Летнего сада была сооружена часовня во имя святого благоверного князя Александра Невского о чудесном избавлении императора Александра II от смерти, на фронте которой сделали надпись: «Не прикасайся к Помазаннику Моему». Ее снесли в 1930 году.

КОЛЯ КРАСОТКИН

Нотариальная кантора, в которой служил Коля Красоткин находилась на Никольскольской улице. Закончив гимназию его мать отправила в Петербург, там он прилежно поступил в Университет на юридический факультет. И все это время переписывался с Алексеем Федоровичем, даже шафером был у них на свадьбе с Lise. Получив диплом Коля нашел в скромной нотариальной канторе помощником нотариуса, но вот уже год как занимает должность нотариуса. Но кантора сегодня после рождества не работала, а он пришел туда чтобы разобрать документы, ждущие своей очереди. Коля стал ужасным трудоголиком, он любил свою профессию и потому отдавался ей сполна работая даже в выходные дни. Хозяин этого юридического заведения Натанзон не мог нарадоваться тому, что у него служит такой трудолюбивый работник и потому часто оставлял кантору на него. Коле уже исполнилось двадцать семь лет, и он мечтал, что скоро сам откроет свое дело.

Именно сюда торопя извозчика, ехал на санях Алексей Фёдорович. Вчерашний вечер был ужасным Lise устроила скандал по поводу того, что он задержался, а должен теперь был неотлучно находиться при ней. Она даже потребовала, чтобы он переехал в ее спальню. Алексей все исполнил, извинялся долго успокаивая супругу и сегодня ему стоило больших трудов выйти из дому.

Когда повозка подъехала к указанному месту Алексей Федорович спешно вылез и подошел к порогу конторы. Он постучал, но ответа не последовало и лишь, когда он второй раз сильнее стукнул, то за дверью послышался звук задвижки и она открылась.

- Алексей Федорович, – сказал открывший ему Коля Красоткин. – Здравствуйте, вот уж не ждал, да вы проходили, очевидно заботы вас совсем одолели.

- Да, забот немало, у меня же жена нездоровая, нужен уход.

- Видно какая-то нужда очень серьезная привела вас сюда.

- Здравствуйте Коля, да у меня к вам срочное дело, – ответил Алексей Федорович и прошел во внутрь помещения.

Они поднялись на второй этаж, где располагалась сама контора, а Николай сел за свой стол, а Алексей Федорович на против его.

- Может пришли в партию нашу вступить, надумали наконец-то, – сказал Николай.

- Нет, вы же знаете я не социалист, я в Бога верую. У меня к вам одно поручение.

- Ну можно и Бога не отрицать и социалистом быть, так какое поручение?

- Скажите Николай, много ли в вашей организации женщин?

- Это секретные сведения.

- Мне очень нужно знать.

- Зачем?

- Мне нужно знать кто является дамой сердца моего брата Ивана.
- А что есть такие подозрения?
- Есть.
- И у кого?
- У жены брата моего, я вчера был у нее.
- И что она вам такого сказала, что вы приняли к сердцу правдивость ее доводов.
- Он с ней не живет как с женщиной уже две недели и дома бывает редко.
- И вы взялись выяснить это?
- Да.
- И вы думаете Алексей Федорович, что она из наших? А сколько у меня хотя бы знакомых женщин, так и у него и они не состоят в нашей партии, а просто сочувствующие. И насколько верны ваши подозрения, это еще вопрос? Может по салонам гуляет там и обзавелся любовницей, а вы сразу на наших думаете.
- Я думаю точны. Вы, сделайте милость выясните этот вопрос?
- Я подозреваю, что вы еще кому-то рассказали о том, что ваш брат состоит в нашей партии.
- Я не мог не сказать, ведь гибнет один человек.
- Его жена? Я правильно угадал?
- Да, правильно, разрушается семья и нужно ее спасти у меня вот – и Алексей Федорович достал бумажку, – у меня записка от нее к ней. Нужно передать.
- Вы зря принимаете в этом участие и взялись спасать, то что уже, наверное, не спасти. И еще выдали мой секрет, который я вам открыл. Вы даже не представляете себе опасность, которой себя и меня подвергаете.
- Это мой долг: спасти брата и его семью.
- Конечно, это великодушный поступок, но не мешало бы подумать о своей семье.
- Их Бог сбережёт.
- Вы же сами говорили только, что за ней уход надобен.
- Я и это теперь буду делать и брата спасать, а еще у меня твердая надежда на Господа Иисуса и Деву Марию, что они мне помогут, еще и мать ее госпожа Хохлакова.
- Все это хорошо конечно. Давайте свою записку, я должен знать, что она содержит прежде чем начать действовать.

Алексей Федорович протянул послание и тот развернув прочитал: *«Жду вас каждую среду (29) в шесть вечера у Фридриксона в комнате № 7. Екатерина Карамазова».*

- Вы представляете прийти на эту встречу, это значит признать о любовной связи. Никто не пойдет на это Алексей Федорович.
- Но нужно найти какие-то пути чтобы она пришла...
- Иначе что? Конец.
- Екатерина Ивановна не выдержит и погубит себя, а у них ребенок семи лет.
- Не знаю, как и быть нужен мотив найти, я конечно постараюсь, но ничего не обещаю. Вы же пока ничего не предпринимайте и держите язык за зубами иначе все дело испортите, – строго сказал Николай.
- Так вы беретесь исполнить помочь мне?
- Я ничего вам Алексей Федорович не обещаю, но попытаюсь.
- Я очень на вас Николай надеюсь, а то мне и обратиться не к кому. Хоть в сыскное агентство иди, да и они так не помогут как вы.
- Ну, ну подождите меня хвалить, надо сначала сделать, а там уж и благодарности источать в мой адрес.

- Все равно я вам благодарен, хоть взялись за это дело и то уже меня радует.

- Давайте условимся так: если у меня ничего не получится, то я вас сам найду и скажу все, а если получится, то я не объявлюсь у меня и так занятость большая видите сколько документов – и он показал лежащие на его столе стопы бумаг. Тем более нужно соблюдать большую осторожку, всюду шпионы третьего отделения полиции по городу шныряют.

- Хорошо на том и условимся, – согласился Алексей Федорович и встал со стула и протянул правую руку. Николай встал и пожал ее. – Тогда я пошел, унося с собой надежду.

- Если больше ничего не требуется тогда идите. До свидания Алексей Федорович, а вот в нашу партию вступить не хотите это печально. Все грядет к обновлению нашей жизни и надо быть не сторонним наблюдателем на непосредственным участником.

- Я не могу этого сделать, потому что являюсь противником всякого обновления через кровь.

- Не будем развивать дальше дискуссию, а то поссоримся. Всего вам хорошего Алексей Федорович, – сказал Николай.

Алексей Федорович повернулся и пошел к лестнице, ведущей к выходу. Оказавшись на улице, он довольно быстро поймал извозчика и поехал домой.

РАЗТОРЖЕНИЕ СУПРУЖЕСТВА

Этим же утром проснулся и Иван Карамазов, он с трудом сел на кровать и стал пристально смотреть в одну точку на полу. Ему значительно полегчало, озноб спал и его больше не лихорадило. Было как-то неприятно тихо и только слышно было, как Маша копошилась на кухне. Он чувствовал слабость во всем теле и еще к тому же голова была словно деревянная и страшная сухость во рту

- Маша, Маша, – позвал Иван Федорович.

- Слушаю барин – да вы весь голый – тут же явилась служанка и удивленно с усмешкой произнесла она.

- Это тебя не касается и это не важно. Принеси кружку кваса, – приказал Иван и залез под одеяло.

Услышав голос Ивана Федоровича, Екатерина Ивановна проснулась и тяжело встала, а Родя все так же тихо спал. Она сразу пошла в их спальню. Тем временем Маша принесла квасу. Выпив его, он увидел ее.

- Катя, а ты что так рано встала? Кстати который час?

- Около десяти, – сказала служанка.

- Маша, ты иди к себе нам с Иваном Федоровичем поговорить необходимо, – сказала Екатерина Ивановна.

- О чем?

- Ты вчера серьезно говорил об расставании?

- Ой Катенька, избавь меня от этих разговоров, я слишком скверно себя чувствую, придет время, и мы поговорим с тобой. А сейчас ложись, отдохни и успокойся, у тебя все глаза красные от переживаний и неспаной ночи. Маша..., – вновь позвал служанку Иван Федорович. И та сразу предстала на пороге. – Маша застели мой диван в кабинете я там намерен расположиться, – приказал Иван Федорович одевая нижнее белье.

- Так значит это правда?

- Правда, неправда оставим это на потом. Я не расположен ввиду моей болезни Екатерина Ивановна вести полемику с вами.

- Так ты уходишь от нас? Скажи!
- Я же сказал придет время и все прояснится, – начал злиться Иван Федорович.

- Значит это все правда, правда! Ты негодяй!!! – вскрикнула и расплакавшись Екатерина Ивановна убежала в детскую к Роде.

- Иван Федорович, все готово, – сказала стоя на пороге Маша.

Он посидел с минуту и встав, тяжелой походкой пошел к себе в кабинет, там присев на засланный диван и крикнул снова Машу.

- Маша, неси сюда завтрак. Да и одежду, что на полу осталась брось в стирку, – сказал Иван.

Снова на пороге, но уже кабинета предстала служанка.

- Сейчас будет сделано, – ответила Маша и захватив по пути пиджак, брюки, жилетку, и носки, пошла на кухню.

А Екатерина Ивановна, ни слова, не говоря Ивану Федоровичу, разбудив сына, одела его, во все самое теплое и сама скоро собравшись, взяв Родю за руку, и они вместе вышли на улицу. Поймав извозчика, они поехали к крестной Роды: Клариссе Никаноровне Павлюченко.

Госпожа Павлюченко жила на Васильевском острове с отставным полковником кавалерии Павлом Степановичем. В доходном доме купца первой гильдии Ермолаева.

Дверь открыла служанка.

- Я сейчас доложу, а вы пока раздевайтесь, – сказала она и скрылась за портьерой. Спустя минуту она вернулась вместе Клариссой Никаноровной.

- Заходи душа моя, да на тебе лица нет, умер что ли кто?

- Нет

- Слава богу. Ты сама-то здорова?

- Здорова почти.

- А мы тут с Павлом Степановичем завтракаем. Так что прошу к столу. Дома-то небось не кушали, а сразу сюда. Меланья добавь приборы на стол, – пригласила госпожа Павлюченко.

Екатерина Ивановна и Родя разделись, прошли в залу и сели на приготовленные места.

- С добрым утром Павел Степанович, – робко сказала Екатерина Ивановна, тот кивнул головой и сказал: «С добрым».

- Так, ешь пока, и ты крестник тоже, а потом будешь свою тревогу рассказывать, договорились? – сказала госпожа Павлюченко.

- Договорились Кларисса Никаноровна, – также робко сказала Екатерина Ивановна и начала есть. Родя так же не стал сидеть сиднем и принялся за гречневую кашу.

С завтраком покончили быстро и Павел Степанович повел Родю посмотреть коллекцию оловянных солдатиков, а Екатерина Ивановна пошла с Клариссой Никаноровой в ее комнату.

- Слушая тебя душа моя, – сказала госпожа Павлюченко, – что привело тебя в мой дом в такую рань.

- Кларисса Никаноровна, Родю можно у вас на несколько дней оставить?

- Да оставляй. Ты говори произошло что?

- Тогда я пошла, мне нельзя долго задерживаться, – сказала Екатерина Ивановна и встала из кресла.

- Нет, душа моя я тебя не отпущу пока не расскажешь мне что с тобой приключилось. Так что садись обратно и говори.

- От меня Иван уходит.

- Да что ты, как такое может быть?

- Сначала он со мной две недели не жил, а теперь совсем сказал уходит. Правда он сказал, когда пьян был, потом его болезнь одолела. Я должна быть с ним.

- Ну пьяный, не трезвый. Ты давно новые платья покупала себе?

- Давно, все как-то не получалось.

- Так ты ему просто надоела, у вас кризис семейной жизни случился это душа моя не смертельно, все можно поправить.

- Да как поправишь-то, когда между нами все кончено.

- Это ты так думаешь, а на самом деле все можно исправить.

- Да как исправишь-то чего уже нет. Он больше меня не любит и в Бога не верит.

- Ваши отношениям нужно придать свежее дыхание. Иди и купи себе ослепительное платье, потом в баню сходи, сделай новую прическу и явись перед ним.

- Он вчера еще украшения подарил мне.

- Вот надень их.

- Ничего не получится. У него другая женщина появилась. Он в партию какую-то вступил которая Государя Императора хочет убить.

- Пустое это, сделай то чего я говорю тебе душа моя. Тебе просто нужно вдохнуть новое дыхание и тогда все будет хорошо. А эту женщину, которой может и нет он забудет. Ты же точно не знаешь есть она у него или нет.

- Да не знаю, но сердцем чувствую, что есть. Я Алешу Карамазова послала чтобы он этот вопрос выяснил.

- Ну выяснит что примеру есть такая, что ты будешь делать?

- Да я написала уже записку в которой хочу встретится с ней, чтобы отстала от Ивана.

- А, если не бросит его, что тогда?

- Еще не придумала, погляжу как она поведет себя тогда и решу.

- Бог в помощь тебе душа моя.

- Пошла я Кларисса Никаноровна, спасибо вам за все, – и Екатерина Ивановна встала со своего места.

- Ну иди душа моя, о Родионе не беспокойся, позаботимся, – ответила госпожа Павлюченко и пошла ее провожать.

- Родя, – позвала Екатерина Ивановна, войдя в залу. Ее сын тут же выбежал из соседней комнаты и приблизился к матери. – Мальчик мой, ты остаешься здесь у своей крестной на несколько дней. Ладно.

- Но я не хочу. Я хочу с тобой, – возразил Родя.

- Этот вопрос уже решенный, так надо, а потом я за тобой приду.

Договорились.

- Договорились, – тяжело вздохнув ответил Родион.

- Теперь все, я пошла, – сказала Екатерина Ивановна и направилась в переднюю.

